

Сергей Аксу

**ЩЕНКИ
И ПСЫ
ВОЙНЫ**

Сергей Аксу

Щенки и псы войны (сборник)

«Автор»

2005

Аксу С.

Щенки и псы войны (сборник) / С. Аксу — «Автор», 2005

Она очень горька, правда об армии и войне. Эта книга – о солдатах и офицерах, которые видели всю мерзость, кровь и грязь второй чеченской войны. Они прошли сквозь этот крошечный ад, проявив настоящие мужество, стойкость, преданность, отдав сердца и взамен не требуя наград. И каждый из них мечтал вернуться живым и верил, что его ждет семья, любимая девушка, Родина... По мотивам некоторых рассказов, вошедших в сборник, был снят фильм «Честь имею!..», награжденный телевизионной премией «ТЭФИ» и Национальной кинематографической премией «Золотой орел».

© Аксу С., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Одно утро чеченской войны	6
Командировочка	10
Гаврошик	15
Подрывники	20
Черная коза	25
Сереженька	32
Тревожная ночь	35
Запах женщины	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей Анатольевич Щербаков

Щенки и псы войны

Copyright © 2014 Сергей Аксу (Shcherbakov Sergei)

All rights reserved.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Посвящается солдатам России, павшим, забытым, обожженным войной...

Одно утро чеченской войны

Ромка стоял у высокого металлического забора, покрашенного суриком, и поливал его. От прозрачной горячей струи и мокрых кружев на заборе вверх поднимался легкий пар.

– Двинули! – хрипло бросил он напарнику, закончив свою нехитрую процедуру, и они молча побрели по узкой горбатой улочке. Под ногами смачно чавкала скользкая грязь, «стоки-логграммовыми» комьями налипая на сапогах. Солдаты двигались вплотную к заборам, шлепая по свежему снежку, который тонким слоем покрыл все вокруг. В небе стояла белая непроницаемая пелена, солнце еще не пробилось сквозь эту стену сырого тумана. Голые серые ветки деревьев и кованое обрамление заборов стайками оседлали неутомные воробы, веселое бесшабашное чириканье которых изредка нарушалось яростным собачьим лаем и глухим рыком «бээмпэшек» на соседних улицах.

Пашка, Ромкин напарник, невысокий коренастый пацан с бледным лицом, отрешенно глядя под ноги, плелся с пулеметом наперевес, с трудом переставляя ноги с налипшей глиной. В конце улицы они присели: Ромка у кирпичной стены, упершись рваным засаленным коленом в заснеженный валун, а Пашка устроился на противоположной стороне под сухим корявым деревом, выставив вперед ствол своего «ПКМа» с пристегнутым «коробом» (магазином).

Где-то сзади, через несколько домов от них, группа екатеринбургского СОБРа, двигаясь следом, шмонала дворы и хозяев. Обыск и проверку документов, как правило, проводили бойцы СОБРа, а солдаты ОБРОНа (отдельной бригады оперативного назначения) страховали с улицы. Собровцам опыта не занимать, уловки боевиков для них, что твои семечки. Одного взгляда им достаточно, чтобы вычислить, где может находиться растяжка или схрон. Ромка наблюдал однажды, как Степан, методично простукивая стены в доме, обнаружил тайник с оружием и взрывчаткой.

Ромка поправил бронежилет, чтобы не тянул своей тяжестью, и, сдвинув каску на затылок, задумался о прошлой жизни. Она показалась такой далекой и чужой, как будто она была где-то на другой планете и не с ним. Он снял изрядно потрепанную рукавицу и, протянув потрескавшиеся красные пальцы, зачерпнул горстку снега и поднес ко рту. Сидеть вот так в постоянном напряжении, ничего не делая, было сплошной мукой. Неистово зудели расчески на спине и пояснице. Вшей нисколько не смущала ни холодная погода, ни сырой бушлат, ни эта странная война.

Ромка зевнув, поежился.

«Скорее бы домой. Подальше отсюда, из этого ада», – молоточками стучало в мозг. – Страх и холод уже в печенках. Командировка на три месяца явно затянулась. Уже конец января, а замены пока не предвидится, хотя их служба уже закончилась, пора в «дембель». Вчера их познакомили с обращением командования, в котором оно просило, вернее, приказывало остаться на боевых позициях до тех пор, пока не будет подготовлена смена. Приносило, конечно, извинения и тому подобное. Были в обращении такие слова: «Вы добросовестно выполнили свой конституционный воинский долг пред Отечеством и российским народом. По закону и справедливости некоторые из вас должны быть уволены в запас. Но сегодня в борьбе с террористами и пособниками наступил переломный момент, когда все силы должны быть направлены на то, чтобы окончательно добить бандитские формирования на территории Чеченской республики, являющейся частью России...

...Командование знает, что в условиях войны наступает чувство физической и моральной усталости от постоянной опасности и трудностей быта. Но сегодня Родина обращается именно к вам, мужественным солдатам России, с просьбой – остаться в составе своих воинских частей до плановой замены личного состава. В этот сложный момент Родина надеется на вас,

потому что сегодня именно вы можете передать пополнению свой опыт и оказать ему помощь в выполнении служебно-боевых задач...»

Ромка сплюнул.

«Вот такие, наши пироги! Серега-земляк уже, наверное, дома. Отправили его вместе с ранеными еще в начале месяца в родную часть. Досталось ему, конечно, здорово! Отморозил ноги, застудил легкие, когда были в горах, да и «крыша» у него, похоже, поехала. Да еще новый ротный, сволочь, нос свернул на бок. Зато теперь дома! В тепле! Балдеет! Лучше быть со сломанным носом, чем «грузом двести».

«Груз 200». Вчера двух «двухсотых» отправили домой, двух ребят-десантников. Накануне подняли утром по тревоге, выехали в Мескер-Юрт на «зачистку». Поступили оперативные данные, что там находится кто-то из полевых командиров. Стоял туман, видимость паршивая, метров в двадцати уже ничего не видно. Дорога ни к черту: узкая, сплошные крутые подъемы и спуски. «Бэтры» юзят, гуляют из стороны в сторону по сырой глине. Впереди колонны десантники, «вэвэшники» в середине, замыкает СОБР на «уралах». Не едем, а еле ползем, как черепахи. Сплошные заносы, того и гляди, сыграешь с крутого обрыва. Проехали около часа, когда на фугасе подрвался головной «бэтр», тяжело ранило водителя, есть контуженные. Поступила команда: разворачиваться и возвращаться в Ножай-Юрт. На обратном пути все и случилось. Один из «бэтров» потащило по жидкой грязи, и он завалился. Двоих ребят, из тех, что ехали на броне, задавило насмерть. А они даже ни разу на «боевых» не были, только что прибыли с новым пополнением».

Ромка шмыгнул носом. Кругом ни души, только какой-то дряхлый аксакал в каракулевой папахе проковылял, опираясь на палку, да какая-то визгливая баба уж с полчаса голосит на соседней улице. Пашка по-прежнему с безразличным лицом неподвижно сидит под деревом, изредка нервно вздрагивая, словно лошадь от укуса овода. Из-под каски торчит рыжим пятном опаленная шапка.

«Пашка, мировой парень. Вот только после тех месяцев в горах стал каким-то замкнутым, молчаливым. Все ему по фигу. А ведь когда под Кизляром в окопах сидели, какие он песни под гитару пел, какие шуточки отмачивал. А сейчас как неживой, в глазах такая тоска, что даже жутко становится. Движения вялые, как у зомби. Ночью в палатке зароется в спальный мешок с головой и воет во сне, как одинокий волк, или мать зовет. Да, тогда в августе под Кизляром было неплохо, главное тепло. И ротный был что надо! Капитан Шилов! Гонял, конечно, будь здоров, но мужик был свой в доску! Жаль, что после трех месяцев командировки уехал домой. Когда уезжал, сказал прощаясь: «Простите меня, ребята, что бросаю вас в этих проклятых горах! Честно сказать, думал, командировка у нас будет другой. Думал, будем заготавливать, есть виноград, ловить рыбу. А как вышло, сами видите. Сюда я больше не вернусь, приеду в часть и сразу же увольюсь подчистую».

Ромка обернулся. Через несколько домов от них маячила с перебинтованной рукой плотная фигура «собровца» Виталия Исаева, который десять дней назад подрвался на растяжке.

Было это на Рождество. После взятия господствующей высоты десантники окружили село. В Зандак на зачистку вошли внутренние войска. В тот день Ромка, как обычно, занимал позицию снаружи. Степан с братом-близнецом Виталием скрылись за воротами. Вдруг во дворе рвануло, аж земля дрогнула. Ромка бросился к калитке, навстречу ему вывалился, сгорбившись, посеревший Виталий.

– Черножопые гады! Чурки! – цедил он сквозь зубы, морщась от боли, поддерживая разодранную окровавленную руку. С растопыренных прокуренных пальцев на снег капала кровь, вырисовывая на нем алыми кляксами затейливые узоры. Левая сторона лица вместе с бородой тоже была вся в крови. Во дворе слышались длинные пулеметные очереди и звон бьющихся вдребезги стекол: озверевший Степан мстил за брата. Сарай буквально на глазах превращался в решето, отчаянно кудахтали куры, стоял крошечный гвалт. Степан повернулся к дому и дал

несколько очередей, во все стороны посыпались труха от саманных стен, щепки и брызги стекол.

Виталий подорвался на гранате, которая без чеки покоилась под колесом небольшой двухколесной тележки, находящейся перед курятником. Подойдя к сараю, «собровец» оттолкнул ее, чтобы проверить помещение. Едва он распахнул дверь, сбоку раздался оглушительный взрыв. Осколками ему здорово посекло руку и ободрало левую щеку. Волею случая тележка, таившая смертоносный сюрприз, спасла ему жизнь, защитив его от осколков. В медсанбате он долго не задержался, забинтованный продолжал выезжать на операции, не хотел оставлять своего брата.

Ромка снова сплюнул. Хотелось курить. Вновь вспомнились теплые степные деньки. Правда, работенки тогда было много, приходилось целыми днями копать окопы и рвы под бронетехнику. Обливались соленым потом под палящим солнцем, мучила жажда, зато было тепло и фруктов завалилось. Помнится, с Валеркой Шабановым забрались в брошенный сад, набили полные мешки яблок и слив, еле до заставы доволокли. Тогда Шилов такой разгон им устроил, что небо в овчинку показалось. Шабану не повезло еще в самом начале. Словил пулю в живот, когда голышом копали ров под нашу «бээмпешку» на берегу Терека. Чеченский снайпер его снял с того берега. Потом ребята буквально живого места от той «зеленки» не оставили. Все в пух и прах разнесли из крупнокалиберных пулеметов.

Неожиданно где-то слева за домами на соседней улице затакали очереди. Сначала длинная, потом короткая. Красивая, с коваными узорами, калитка напротив звякнула щеколдой и распахнулась. На улицу стремительно выскочили двое. Один – в камуфляже, с густой черной бородой. Другой, высокий молодой парень, в короткой куртке на бараньем меху и, как и первый, в черной вязаной шапке. У чернобородого в руках «калашников» с «подствольником», а у молодого из-за спины торчали конусами «выстрелы» к гранатомету. Увидев бойцов, они остановились как вкопанные, окаменели словно изваяния.

Первым пришел в себя «черный», он, оскалившись, что-то злобно выкрикнул и дал очередь в сторону Пашки. Грохот выстрелов больно ударил по перепонкам, заставив Ромку зажмуриться, он машинально нажал на спусковой крючок и почувствовал, как автомат, словно живой, рвется у него из рук. Пули смертоносным веером фонтанчиками чавкнули по грязи и ушли поверх заснеженных крыш. Ромка сжался в комок и не отпускал спускового крючка, пока не опустел магазин.

– Ааа... Ааа, – монотонно мычал он каким-то животным голосом, исходящим откуда-то из утробы. Он ничего не соображал. Его руки мелко дрожали, в висках стучала кровь, судорожно дергалось правое веко. Сильно пахло порохом. Видел наклонившееся к нему обветренное бородатое лицо Степана Исаева, который что-то ему кричал и тряс за плечо. Ромка вяло кивал в ответ. Перед ним все плыло, как в пьяном угаре. Облизав пересохшие губы, взглянул в сторону Пашки. Тот без каски с широко открытыми полубезумными глазами стоял у дерева, намертво вцепившись в дымящийся пулемет. Ухо у него было разорвано, слезы и сопли вперемешку текли по бледному лицу. Рядом топтался Виталий и здоровой рукой безуспешно пытался отобрать у того оружие.

Чернобородый лежал навзничь на спине, запрокинув обезображенное пулей, окровавленное лицо, вперив в светлое небо уцелевший глаз. Под головой расплывалось темное пятно. Молодой же, издавая тихие хрюкающие звуки, согнутыми пальцами, словно когтями, скреб землю, сгребая под себя грязь и снег. Его туловище напоминало страшное кровавое месиво из внутренностей и клочьев одежды.

Виталий обнял Пашку за плечи, отвел к забору, помог снять «броник» и расстегнуть бушлат.

– Ну, че глазеете, бля?! Говна не видели, бля?! С кем не бывает! Котелок у парня пробило! – свирепо вращая глазами, Виталий набросился на подошедших. – Лучше тряпку какую-нибудь найдите или бумагу!

Группа бойцов окружила убитых.

– Готов!

– А этому, скоро хана! Вишь, пузыри пускает! – послышался простуженный голос Степана, который склонился над боевиками и обыскивал их.

– Все кишки наизнанку вывернуло!

– Отбегался по горам, абрек!

– Кровищи-то!

– Да, разнесло, будь здоров!

– Паша постарался! – откликнулся старшина Баканов.

– Молодой, красивый, – закуривая, сержант Кныш кивнул в сторону молодого чеченца.

– Твою мать! Вот такие красавцы нашим ребятам головы-то отрезают и глаза выкалывают! Забыл, как эти суки блокпост в соседней бригаде вырезали? Может, напомнить, тебе? Забыл, изуродованных пацанов? Забыл, Бутика? – обрушился на него разъяренный капитан Дудаков, сверкая воспаленными глазами.

– Дай, сюда! – он зло вырвал из рук Степана трофейный «стечкин», на котором было выгравировано имя «Рамзан», резким рывком передернул затвор и выстрелил в упор в дергавшегося боевика.

Всем вспомнился «Бутик», Санька Бутаков, с нежным румянцем на щеках, молоденький прапорщик из их 3-й мотострелковой роты, который в октябре попал в плен. Его нашли через месяц морские пехотинцы в какой-то канаве с перерезанным горлом и отрубленными кистями рук. Если бы не «смертник» на шнурке (жетон с личным номером), почему-то не снятый боевиками, так и канул бы он в далекой чужой стороне.

Ромка поднялся, с трудом расправляя затекшие ноги, прислонился к стене. Лихорадило, бросало в жар, точно такое же было с ним в сентябре под Кизляром. Они несколько суток не спали, ждали атаки со стороны «чехов», которых скопилось около двух тысяч в этом направлении. Все буквально валились с ног от усталости, засыпали прямо стоя. Щуплый Шилов носился по окопу и орал, расталкивая их и дубася по каскам:

– Не спать! Не спать, уроды!!!

Тогда, во время ночной перестрелки, у Ромки кончились патроны, и он сидел в своей ячейке под трескотню трассеров, завывание и уханье мин, визг осколков. Сидел, сжавшись, как беспомощный сурок, и чувствовал, как огромная горячая волна накатывается и захлестывает его.

Выглянуло солнце, снег стал подтаивать и обнажать землю, высокие железные заборы украсились бахромой темных потеков. Воробьи пуще прежнего развеселились, устроив на дереве настоящую вакханалию, заглушая неугомонным звонким щебетом урчание «бээмпешек».

Командировочка

Послышались один за другим хлопки из «подствольника», заухали разрывы гранат, ночная степь украсилась яркими вспышками. Капитан Шилов, матерясь, влетел в блиндаж, при виде разъяренного ротного солдаты вскочили.

– Какая сволочь палит?! Вашу мать!

– Капитан Серегин, товарищ капитан!

– Откуда у него «воги»? Какая сука выдала!

– Пьяный он, товарищ капитан! Угрожал пистолетом! Забрал пояса с «вогами». Сказал, что пойдет войну заказывать, – пытался оправдываться вспотевший, весь залившийся краской, сержант Сигаев.

– Я ему сейчас такую войну закажу, что яйца посинеют! Олухи, втроем одного пьяного мудака не смогли сделать!

– Товарищ капитан!..

Но взвинченный Шилов уже выскочил наружу и скрылся в темноте, где продолжали с одинаковой периодичностью гроыхать взрывы. Через некоторое время они смолкли.

Полог откинулся, и в блиндаж с распухшей кровоточащей губой, покачиваясь, ввалился притихший капитан Серегин, инструктор по вождению БМП. Протягивая сержанту наполовину опусташенный патронташ с «вогами» и автомат, он сердито буркнул под нос:

– Держите фузею, козлы вонючие! Заложили, мудилы!

Проверив посты, Шилов вернулся в караульное помещение, которое располагалось в небольшом домике разграбленной бывшей бензозаправки. В прокалившейся за день караулке стояла ужасная духотища, пахло потом, табачищем и давно нестиранными портянками. В дальнем углу на нарах спала, беспокойно ворочаясь во сне, так называемая «группа быстрого реагирования» из пяти солдат. Капитан присел на грубосколоченный топчан и закурил.

«Да, выдалась командировочка! Не позавидуешь, – капитан стряхнул пепел. – В прошлые здесь было намного тише. Постреливали, конечно, но такой пальбы, как сейчас, не было. Пацанов зеленых жалко, гибнут ведь почему зря. Боевая подготовка ни к черту. Некоторые из автомата-то стреляли всего несколько раз на стрельбище. А есть такие, что в глаза его не видели, всю службу в РМТО просидели, гайки крутили или дачи полковничьи благоустраивали. Наверху еще какая-то непонятная мышьяная возня! Чем только они там думают? Похоже, задницей! Политики хреновы! В игры все не наиграются! То расширяют, то сокращают внутренние войска! Не поймешь их! Гоняют солдат из части в часть по заколдованному кругу. Недавно из Пензы привезли очередную команду «лишних» солдат, потом из Оренбурга подбросили. А наше дело простое – готовить «пушечное мясо» для «горячих точек». Погоняем их до седьмого пота неделю-другую! И сюда! Под пули! Сволочная Чечня! Еще от той войны никак не отойдем. До сих пор снится тот кровавый кошмар в Грозном. Ленку жалко, пугаю ее дикими криками, все воюю во сне.

Обстановка довольно сложная: на их направлении наблюдалось большое скопление боевиков. Около двух тысяч. Разведка на днях засекла в ближайшей станице несколько «КамАЗов» с вооруженными людьми. Готовился, похоже, прорыв на Кизляр. Спешно стали окапываться, укреплять линию обороны, вчера для усиления подогнали легкие танки. Почти каждую ночь обстрелы с чеченской стороны. Какая-то сволочь постоянно в наглую долбит позиции из автоматического гранатомета, со стороны Сары-Су иногда бьет миномет. Пацаны бздят, боятся лишний раз голову высунуть из окопа. Первые дни для них были самыми тяжелыми, просто кошмарными. Даже обделались некоторые. Я их прекрасно понимаю. Самому довелось побывать в их шкуре, тогда, в 96-ом, под Грозным. При минометных разрывах такой испытываешь

животный страх, что ничего уже не соображаешь, что с тобой творится! И кто ты такой на этом свете! А они еще мальчишки! Чего они, сопляки, в жизни видели? Но ничего, привыкнут. Хорошо хоть днем все спокойно, степь прекрасно просматривается. Ночью, бывает, срабатывают сигнальные мины: может, чеченцы ползают, а может, суслики или черепахи задевают. Вчера подстрелили солдата, который ходил в дагестанское село менять тушенку и, возвращаясь, зацепил «эмэску». В темноте взвились сигнальные «звездочки», часовые открыли огонь. Повезло шкету, счастливо отделался. Чудом остался жив. Ногу прострелили, когда молотили очередями в сторону вспышки. Случается, какой-нибудь абрек пробирается в темноте между двумя заставами и открывает огонь. А мы, как идиоты, долбим всю ночь друг друга. На прошлой неделе ездили с начальником штаба в соседнюю бригаду. Ваххабиты блокпост у них в Тухчаре атаковали. БМП из «граников» сожгли. Остатки «калачевцев» в село отступили, где и приняли последний бой вместе с дагестанскими милиционерами. Захваченным в плен солдатам боевики отрезали головы. Зрелище, скажу, жуткое. Нелюди! Как сейчас, перед глазами стоят истерзанные тела пацанов. Настоящее зверье! Похоже, арабы-наемники. Они с нашими особенно не церемонятся. У нас, слава богу, потерь пока нет. Только несколько раненых».

На рассвете в караулку ввалился угрюмый капитан Терентьев, шурин Шилова. Молча расстегнул портупею и зло швырнул на бушлат, лежащий на топчане.

– Николай, ты откуда? – обернулся к нему Шилов, склонившийся над столом. – Как ошпаренный!

– Из штаба с Кучеренко приехал! Ребят из спецназа положили в Новолакском районе!

– Как положили? – встрепенулся капитан.

– Свои положили! Понимаешь?

– Как свои? Ты чего городишь-то?

– Армавирский спецназ брал высоту, выбил оттуда «черножопых духов». А тут штурмовики и вертолетчики налетели, то ли спутали, то ли координаты были неверные, ну и проутюжили своих из «нурсов» и пушек в несколько заходов. Тридцать четыре бойца завалили, дебилы! На сигнальные ракеты, суки, не реагировали.

– Да, что они, ослепли, скоты?!

– Помнишь? Под Карамахи тоже своих раздолбали. Летуны хреновы!

– Эти-то тут ни при чем. Штабисты-бляди! Скоординировать совместные действия не могут.

– Кому-то явно звезд захотелось!

– Суворовых развелось как собак нерезаных! Мудаки штабные! Привыкли игрушечные танки по песочнице двигать да жирными животами и лампасами трясти!

– Да, Мишка, кругом сплошной бардак.

– Суки!

– А ты-то чего не спишь, филин старый, ведь сутки, поди, на ногах провел?

– Да вот письмецо Ленке решил черкнуть, беспокоится все же. Позвонить не удалось. Да и не спится чего-то, тревога какая гложет.

– От меня привет сестричке. Да напиши, если матери будет звонить, чтобы не брякнула ей, что мы здесь с тобой прохлаждаемся. Вся испереживается старушка, а у нее сердце болезненное.

– Что я, совсем дурак? Конечно, черкну, чтобы не сболтнула лишнего.

– Я, пожалуй, сосну немного, намотался... В ночь опять заступать. Эх, счастливый ты, Мишка. Ленка – красавица, дом, детишки...

– Не знаю, чего вы все ищете, ваше благородие, капитан Терентьев? Уж давно бы бабу завел, чем по общагам мотаться!

– Пока не встретил такую, какую хочу. Видно не судьба! – вздохнул Николай, закрывая глаза.

- Пора семьей обзаводиться, ведь не мальчик уже.
- Еще успею, под каблук-то.
- Не нагулялся еще, кобелина?

Кончив писать, Шилов запечатал конверт и взглянул на спящего на бушлате шурина.

«Да, непонятно, чего бабцам надо? Такой красавец пропадает! Да будь я на их месте, я такого молодца, ни за что бы не упустил. Он у меня вот где был», – вояка сжал кулак.

Было около двенадцати часов дня, когда Николай Терентьев проснулся. Побрился. Выглянул наружу. Шилов, бодро прохаживаясь перед построенным взводом, вовсю материл солдат.

– Придурки хреновы! Вам что, жить надоело? Хотите, чтобы какой-нибудь Мамед-Ахмед вам кишки на кинжал намотал? Хотите своим родителям цинковый подарочек приготовить? Сукины коты! Вам, тупорылым, русским языком было сказано! Рас-по-ло-жение части не покидать! – отчитывал невыспавшийся раздраженный Шилов перед строем двух рядовых, которые самовольно покинули заставу и отправились за яблоками в ближайший брошенный сад.

Люди, предчувствуя надвигающуюся беду, спешно покинули эти места, побросав свои дома и скarb. Безхозные сады и бахчи стали регулярно подвергаться опустошающим набегам со стороны военнослужащих бригады.

– Да, кстати, если еще раз узнаю, что кто-то ловит и трескает змей, самолично спущу с любителя китайской кухни штаны и выдеру задницу! Деликатесы дома будете лопать! Понятно?

Солдаты стояли понуро, переминаясь с ноги на ногу, тупо уставившись в землю, смиренно выслушивая крупнокалиберную ругань ротного.

– Гурманы, хреновы!

– Михаил, да брось ты! Пацаны ведь! – пытался вступить за солдат капитан Терентьев, присаживаясь на ящики из-под снарядов и закуривая.

– Коля, дай им волю, так они на шею сядут.

– Тебе, пожалуй, сядешь! Как сядешь, так и слезешь!

– Знаешь, когда от солдата меньше всего хлопот?

– Ну, когда?

– Когда он спит! Не знал такого?

– Это ты на собственном опыте сделал такое умозаключение или великий полководец Суворов это первым заметил? – не преминул съязвить Терентьев!

Шилов пропустил отпущенную колкость шурина мимо ушей и, обернувшись к строю, отдал распоряжение сержанту:

– Широков! Вооружи этих двух хорьков лопатами, пусть немного разомнутся. Надо расширить проходы и углубить окоп у четвертого блиндажа.

Было жарко. Нещадно напоследок палило сентябрьское солнце, отыгрываясь за прошлую неделю, когда моросили нудные нескончаемые дожди и стояла непролазная рыжая грязь.

– За всю жизнь столько земли не перекидал, сколько здесь! – почесывая красную, обгоревшую на солнце спину, бросил уныло Чернышов.

– Я дома на даче за десять лет столько не перелопатил! Одних только БМП целых три штуки закопал и «бэтр» впридачу, – проворчал в ответ напарник, оперевшись на черенок лопаты и отмахиваясь от надоевших мух.

– Была бы почва нормальная, а то сплошная щебенка!

– Виноград тут хорошо разводить.

– Почему это?

– А он любит такую почву.
– С камушками?
– Ага. Слышал, новость?
– Какую?
– Ночью Карась откепал замполита!
– Да, ну! – Чернышов присвистнул. – Карась опупел, блин, что ли? Или обкурился вконец?
– Как бы в трибунал дело не передали!
– То-то, утром шум был! И здорово отоварил?
– Неделю уж точно проваляется!
– Как же это нашей Рыбке угораздило? Офицера и по морде!
– Ты же знаешь, майор любит приколоться.
– Еще бы! Его хлебом не корми, только дай над солдатами поиздеваться!
– Так вот, ночью подкрался к часовому. Смотрит, Карась носом клюет, сопит как паровоз, пятый сон видит, ну думает, сейчас магазин отстегну, а потом утром клизму соляры поставлю, чтобы на посту не кемарил. Карась-то спросонья и перепугу автомат бросил, думал «чехи» напали, давай орать благим матом да мутузить того. Еле оттащили. Избитый Юрец до сих пор не очухается, трясется весь, бедолага.
– Так ему и надо, мудаку!
– Карась – бугай здоровенный, такому лучше под кулак не попадайся! По стенке размажет!
– Глянь, Шило чешет! – Ромка кивнул в сторону моста.
– Похоже, к нам направляется, пистон очередной ставить!
– А то как же! С проверкой идет!
– Командарм, хренов!
– Нет, что не скажи, а все-таки, крутой мужик, наш ротный! Говорят, он в чеченскую кампанию командиром разведроты был.
– Да хоть папой римским! Не спится ему, козлу. Ни днем, ни ночью, от него покоя нет. Вчера заставил меня как Папу Карлу с Джоном Ведриным до посинения таскать коробки с лентами для КПВТ, несколько «бэтров» снарядили под завязку. Совсем задолбал, мудила! Другое дело – Терентий!
– Да, Николясик, мировой парень! Нашего брата, солдата, в обиду никому не даст!
– Что, сынки, тяжело? Гонору-то у вас много, видно, дома откормили на сосисках и сметане! Закуривайте! – присев на бруствер, Шилов протянул пачку сигарет уставшим солдатам. Обнаженные по пояс, рядовые, воткнув в грунт лопаты, закурили и примостились рядом. Припекало. Громко стрекотали неугомонные кузнечики. Черенки лопат сразу же облепили стрекоты, которых осенью здесь великое множество. Над выжженной солнцем степью плыло, переливало прозрачными волнами словно отражаясь в воде, горячее дыхание земли. Иногда со стороны моста через Терек слышалось недовольное ворчание бронетехники. Говорить не хотелось, курили молча. Смахнув рукавом со лба и носа капельки пота, Шилов достал из нагрудного кармана затертый почтовый конверт.
«...Миша, любимый, мы тебя так ждем! Милый наш, любимый и дорогой папочка! Не знаю, дойдет ли эта весточка до тебя. Как вы там? Я с ума схожу, думая о тебе. Ну почему ты не пишешь? Миша, милый, мы очень скучаем, Сережка каждый день спрашивает о тебе. Когда ты вернешься, когда там все закончится? Не представляю, как вы там с Колей... Миша, миленький, приезжайте поскорее, берегите себя. Молимся за вас...». На обороте листочка в клеточку из ученической тетрадки были изображены детские цветные каракули Натальюшки, издалека напоминающие цветочки, домик и солнце.

Вечерело. Огромный багряный диск солнца неподвижно завис над горизонтом. Издалека доносилось протяжное пение муэдзина, зовущего мусульман к молитве. Терентьев в бинокль наблюдал, как «Тимоха», старший лейтенант Тимохин, с саперами в степи проверял подходы к заставе и устанавливал растяжки и сигнальные мины. Во время намаза никто с чеченской стороны не стрелял, и поэтому можно было спокойно вести разведку и установку «сигналок». Из-за блиндажей слышалась ругань Шилова, видно кому-то устраивал очередной разнос.

Постепенно на заставу опустилась ночь. Темное небесное покрывало обильно усыпало яркие осенние звезды. Зазвенели назойливые комары. От прокалившейся за день земли исходил горьковатый запах полыни. Бойцы, разобрав бронежилеты, разбрелись по своим ячейкам.

– Не спать! Уроды! – Шилов, проходя по окопу, расталкивал задремавших солдат и щелкал их по каскам. Ромке досталось по «черепушке» дважды.

– Ну, чего zenки вылупил?! «Чехи» будить не будут! – капитан с силой встряхнул за плечо рядового Чернышова, который клевал носом.

Неожиданно в степной темени раздался противный свист, вверх взметнулись разноцветные «звездочки»: сработала одна из «сигналок». В ночи затарахтели автоматные очереди, вычерчивая трассерами во мраке светящиеся точки, тире. На далекие вспыхивающие огоньки стали отвечать редким огнем. Выпустили несколько осветительных ракет. Они медленно опускались на парашютиках, освещая округу.

Вдруг над головами противно завывло, все, как один повалились на дно траншеи, закрывая уши ладонями, открыв рты. Мина взорвалась с оглушающим грохотом, шлепнувшись в небольшое болотце, поросшее камышом, в метрах семидесяти от окопов, подняв сноп ошметков и грязных брызг. Земля вздрогнула, словно живая. С бруствера в окоп потекли тонкие ручейки песка. В ночи затарахтели автоматные очереди, вычерчивая трассерами во мраке точки, тире. На далекие вспыхивающие огоньки «вэвэшники» отвечали редким огнем. Выпустили несколько осветительных ракет.

– Котелки не высовывать! Не курить, если жизнь дорога! – откуда-то издалека послышался голос Шилова.

В темноте по траншее, спотыкаясь на каждом шагу, пробирался сильно поддатый старший прапорщик Сидоренко с автоматом за спиной и изрядно потрепанным выдавшим виды баяном в руках, он лихо наяривал что-то разухабистое, народное. К его причудам все давно уже привыкли в части. Списывали то ли на контузию, полученную им в Карабахе, то ли на ранение в голову в Грозном. В паузах между выстрелами и короткими очередями из окопа доносилось веселое:

– Ну и где же вы, девчонки, короткие юбочки...

А потом на него что-то нашло: отставив баян в сторону, он вскарабкался на осыпавшийся бруствер и, стоя во весь рост, широко расставив ноги, начал строчить из автомата, к которому был пристегнут рожок от пулемета «РПК». Шилов, матерясь на чем свет стоит, безуспешно пытался стащить новоявленного «рэмбо» за ноги в окоп. Вдруг над головами прогрехотала пулеметная очередь, это заговорил с боевиками «КПВТ» одного из «бэтээров». На его голос короткой очередью откликнулся «КПВТ» с правого фланга, потом со стороны артдивизиона оглушительно бабахнул миномет...

28-го перешли в наступление. Накануне штурмовики и «вертушки» бомбили противника. В полдень бойцы бригады оперативного назначения вошли в станицу. На въезде увидели покореженный сгоревший москвич-«пирожок», дверцы нараспашку, внутри приваренный станок «АГСа». Видно, того самого, из которого ночью по их позициям из ночной степи велся безнаказанный, можно сказать, наглый огонь. Где-то совсем рядом, за селом, словно переругиваясь, стучали пулеметные очереди.

Гаврошик

Что-то в их отношениях произошло. Нина за последний год сильно изменилась. Может быть, отпечаток наложила ее ответственная выматывающая работа. Может быть, всему виной новая начальница-стерва, подобно комсомолке тридцатых, не дающая подчиненным ни на минуту расслабиться. Может быть, ее дети, два ленивых избалованных шалопаи. Вместо того, чтобы беречь и помогать матери, эгоисты треплют ей нервы своими капризами и постоянными мелочными разборками; так и чешутся порой руки раздать налево и направо оплеух и подзатыльников. Может быть, их совместная жизнь стала похожа на обычную семейную, полную рутины, обыденных забот. Наверное, и первое, и второе, и третье. Вероятно, это правда, что пишут о любви. Что в среднем она живет около трех-пяти лет. Потом восторженность, нежность, влюбленность притупляются и пропадают безвозвратно. В лучшем случае остается уважение, дружба, а в худшем – непримиримая вражда.

Когда он появлялся у нее, она уже не встречала его сияющая, как прежде, у порога, обнимая и целуя, а сидела в кресле перед включенным телевизором или, стоя в кухне у плиты, поворачивала голову и отзывалась без эмоций, сухо: «Привет!» И не старалась обернуться и прижаться, как бывало раньше, когда он обнимал ее сзади и целовал в шею под копной волос. Куда пропала эта пылкая восторженная женщина? Откуда ее, участившиеся в последнее время, упреки, нервные срывы? Он понимал, что сам не меньше виноват в случившемся, которое постоянно, точит, гложет и выматывает его. У Нины, в отличие от Александра, была хорошая зарплата. Он все время ощущал себя нахлебником, эдаким «альфонсом», так как ему постоянно приходилось выкраивать, экономить, занимать деньги, во многом себе отказывая. Рядом с этой женщиной он выглядел в некоторых ситуациях просто глупо и чувствовал себя униженным, иногда полным болваном, ничтожеством. Принца, увы, из него не получилось. Ему приходилось содержать старую больную мать и сына-инвалида. Денег катастрофически не хватало. Надо было что-то делать, а не сидеть сиднем как Емеля на печи. Сплошные наступили в жизни черные полосы. Прямо тельняшка какая-то.

Александр, чтобы отогнать неприятные мысли, достал из кармана сигареты. Сразу же потянулись к пачке руки сидящих рядом вдоль борта бойцов.

– Халявшики, твою мать! – рассмеялся он, качая головой. – Как трудовой подвиг совершать – их нет! А как на халяву, они тут как тут! Ну и жуки!

Затянувшись сигаретой, он вновь окунулся в прошлое.

– Милый мой, Гаврошик. Сокровище мое, – шептал он, купаясь лицом в аромате ее темных волос, теребя и покусывая мочку уха.

– Нет, это ты мое сокровище, – слышался в ответ ее шепот.

Он ласкал ее спину, шею, бедра. Нежно щекотал усами и кончиком языка шею, возбужденные соски, живот. Она пылала жаром, горячими губами в полумраке жадно ловила его губы. Щеки ее зарделись. Его ладонь, задержавшись на одном из холмиков груди, неуклонно продолжала свой путь, спускаясь все ниже и ниже, к заветному треугольнику. Дрожь волнами пробегала по ее телу. Вдруг она вся затрепетала, выгнулась и стремительным рывком оседлала его...

Сбросив с себя одеяло, они, утомленные, лежали, обнажив тела. Потом она притихла у него на плече, поблескивая в темноте счастливыми глазами.

– Ты ничего не хочешь мне сказать?

– Что, мой Козерожек? Что, Шелковистая? – спросил он, ласково чмокая ее в макушку.

– Расскажи, как ты меня любишь...

«Урал» подбросило на ухабе так, что всем пришлось вцепиться руками в пыльные обшарпанные борта. Раздался несусветный мат, костерили на все лады нерадивого водилу.

Александр поймал на себе насмешливый взгляд Пиночета, прапорщика Курочкина, который сидел напротив и, улыбаясь во всю ширьскуластого лица, смотрел на него своими васильковыми, невинными глазами. По его сияющему виду было понятно, что он в курсе того, где только что побывал и чем занимался командир.

Вишняков нахмурился и, отвернувшись, стал смотреть на мелькающие пожелтевшие посадки. Теплый ветер обдувал лицо, бабье лето было в разгаре. Вспомнилось, как он прибыл в Тоцкое за своей командой. Первое, что ему захотелось, когда представили подопечных, сломя голову и без оглядки бежать подальше от этих сорви-голов. Контингент подобрался отнюдь не сахар. О дисциплине не могло идти и речи, в подразделении царил махровая анархия. Матерые мужики, сплошная крутизна, прошедшие огонь и воду, а может быть, и что-нибудь похлеще. Пришлось собрать в кулак всю свою волю и терпение, чтобы навести порядок во вверенной ему команде. Кое-кому, кто долго не понимал, даже начистить «пачку».

Позже он понял, что так и должно быть. Воевать должны настоящие вояки, настоящие мужики, у которых за плечами боевой опыт, опыт Афгана, Карабаха, Чечни. А не желторотые пацаны, которых сдернули только что со школьной скамьи. На стрельбище дали пару раз пальнуть, да гранату бросить из окопа под присмотром инструктора, и сразу сюда – в кровавую бессмысленную мясорубку.

Некоторые из подписавших контракт хотели заработать, другие тосковали по боевому прошлому и отправились за очередной порцией адреналина, которого здесь на всех хватало в избытке. Прошрое, словно сучковатый занозистый клин, настолько крепко засело в их мозгах, что это стало как бы главным и самым ценным, что было в их жизни. Другой они не представляли. В миру гибли, спивались, вешались, тоскуя по боевому братству, когда один за всех и все за одного.

Рядом с Александром сидел, сгорбившись как древний старик, опираясь на «ПКМ» со сложенными сошками, Серега Поляков. Видок у него был совсем не голливудский. Здоровенный фингал под левым глазом, изрядно поцарапанный нос и синие разбитые губы. Вчера он крепко надрался местного поила после зачистки, а потом, мотылясь по двору, стал дико орать и размахивать «эргэдэшкой», пугая братву. Ну и нарвался на крепкий кулак Вишнякова, после чего пропахал физиономией глубокую борозду перед умывальником, где и затих до утра. Парень он был рискованный, с таким не страшно и в разведку.

На прошлой неделе рванул недалеко от мечети старенький «москвич», припаркованный кем-то из басаевской сволочи, видно рассчитывали подорвать их, когда они будут проезжать мимо. Но, по счастливой случайности, водила Витька Мухомор резко тормознул, не доезжая, у лотка на углу, курить ему, видите ли, захотелось. Грохнуло так, что небо показалось в овчинку. Наших, слава богу, не зацепило, а вот местным отмеряно было по полной программе: две женщины погибли и старик с девчушкой лет семи, да покалеченных человек восемь. Так Серега Поляков одним из первых кинулся оказывать помощь и вытаскивать раненых, а ведь там могла оказаться еще одна «шутиха», замедленного действия. Он вынес на руках молодую женщину, окровавленную, в шоковом состоянии, с осколком в спине.

– Послушай, дарагой! – начал было подбежавший к нему чернявый небритый парень с дрожащими губами.

– Отвали, ахмед! – не поднимая головы, свирепо огрызнулся Поляков. – Вали! Кому сказал!

Каины, бля! Своих же соплеменников гробят, придурки. Теперь, как пить дать, «кровники» будут мстить за убиенных родственников. Не завидую «вахам». А в общем, это и к лучшему, нам меньше работы.

Отчаянный он парень, Серега. Жалко, что вчера такой казус вышел. Даже неудобно перед ним. Всю физиономию ему уделал, разукрасил, как холст Пабло Пикассо. И как он теперь будет петь под гитару? С такими варениками, как у него, теперь не больно распоешься. Неделию

как минимум губы залечивать надо. А какие он песни поет, я вам скажу. Булата Окуджаву, Дольского, Визбора. Высоцкого, наверное, всего знает. Как затынет: «Протопи ты мне баньку хозяйюшка, раскалю я себя, распалю...» или «Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее...». Словно душу наизнанку вывернет, слезу у иных прошибает.

Или после тяжелого дня, когда еле ноги таскаешь, что-нибудь веселое сбачает, типа про «Канатчикову дачу», сразу напряжение с плеч долой. Его так и зовут – Канатчиков или просто Дача. Пулеметчик он толковый, опыта ему не занимать. В «первую» еще здесь лямку тянул, ранен был, чуть ногу не отняли. Стреляет Дача отменно, все норовит нам продемонстрировать свою подпись, пули выкладывает одна к одной, словно в цирке.

Недавно под Майртупом отличился, выручил крепко омонцовцев, попавших в «мешок». Из преисподней их вытащили, можно сказать. Убитых трое, раненых до хера. Подхожу к двоим «обезноженным». Лежат, окровавленные, со жгутами, в ус не дуют, смолят. Наверное, пере-крестились в душе, что для них все это «дерьмо» закончилось, о «железках» размышлялись. Только бедолаги еще не подозревают, как это им еще аукнется. Спрашиваю одного, как давно жгуты накрутили, отвечает, что около часа. Прикинул. Если час они пролежали, то все равно, пока их транспортируют до госпиталя, времени много пройдет. Одним словом, плохи дела. Ампутация неизбежна. Говорю мудаку-капитану, что их сюда без разведки и прикрытия завел:

– Жгуты ослабьте, угробите ребят!

Да, жалко покалеченных пацанов, и все из-за всеобщей неразберихи, несогласованности и нерадивых командиров.

Рядом с Пиночетом, невозмутимый, краснолицый, с обвисшими пшеничными усами, мнет в пальцах давно потухший «чинарик» сержант Леня Любимцев, бывший спецназовец. Воевал в отдельном 173-м отряде, из засад долбил душманские караваны. Он экипирован похлеще Тартарена из Тараскона: в «сфере», несмотря на жару, с набитой под завязку разгрузкой, из-за которой по обе стороны торчат рукоятки ножей, на одном боку в кобуре «стечкин», на другом – «эргэдэшки» и «феньки». С пяток, не меньше. В отряде его кличут уважительно Падре, иногда Папа, за его справедливость, за доброту, за трезвый мужицкий ум. В нем нет, как в молодых, бравады, суеты. С виду флегматичный, добродушный, в бою же сущий дьявол. Был безработным. До сокращения работал на шахте. Бастовал, пикетировал, выходил «на рельсы». Требовал свое, заработанное, кровное. Теперь здесь: надо кормить семью, растить ребятишек.

Сбоку от Любимцева – Игорь Калиниченко, или просто Калина. Он из Иркутска. Из «тигров», забайкальских «вованов». Уперевшись в лежащую шину-запаску ногами словно жокей, он трясется вместе с остальными, усиленно массируя «пятую точку», поблескивая на солнце черными очками. Как и сосед, вооружен до зубов. Хотя, если с таким встретишься на узкой тропе лицом к лицу, разделает так, что мама родная не узнает, и оружия ему для этого не понадобится. Он когда-то, еще до армии, несколько лет занимался у какого-то китайца, мастера ушу, стилем «ба-гуа цюань». В те времена, как сейчас помню, появилась целая серия фильмов с Брюс Ли и Джеки Чаном, мода на всякие восточные единоборства захлестнула страну; секции и клубы по ушу и карате появлялись как грибы после теплого дождя. Показывал нам как-то на досуге он свои финты с концентрацией силы, с силовым дыханием. По его росту и поджарой фигуре и не скажешь, что этот дохляк способен отоварить и в бараний рог согнуть. Поэтому его в начале никто из моих здоровяков всерьез не принимал, пока дело до драки не дошло. Не помню уж, чего там не поделили. Это еще в Тоцком приключилось. В один миг ученик Фэнчуня накомстил дюжине парней. Они и глазом моргнуть не успели, не то что чихнуть. Потом пытался некоторых заинтересовавшихся обучить гимнастике «тайцзицюань» и боевым стойкам. Всяким там: «дракон убирает хвост», «белая змея показывает жало», «свиристый тигр вырвался из пещеры»... Смех один, да и только. Они медленно бродили по двору с отрешенными лицами, плавно водя вокруг руками, сопели через нос, отрабатывая нижнее дыхание, концентрируя внимание в точке «дяньтянь», что ниже пупка на два «цуня». А он все болтал

им про энергию «ци», про какие-то там «чакры», которые открываются после долгих упорных тренировок, и что у человека при этом выявляются скрытые сверхспособности организма. Нет, я думаю, эти экзотические штучки, всякие «цигуны», «цюани», «яни», «тяни», «хвосты драконов» и прочая восточная премудрость не для нас, не для белых людей.

Калину зауважали еще больше после случая со снайпером. Потерь в отряде не было. Бог пока миловал! Тьфу! Тьфу! Если не считать нелепого ранения Морозова. Случилось это в начале командировки, пуля угодила сержанту в плечо. Ночью, балда, не выдержал, закурил «на часах», и какая-то сука тут же поймала его в прицел. На следующий день снова выстрел, пуля тренькнула рядом с головой Науменко, чистившего оружие у окна. Бедняга целую неделю в себя не мог прийти. Стреляли явно из сильно разрушенного здания «пожарки», что в конце улицы, со второго этажа. Отрядил пяток братишек пошустрее, они окольными путями быстро пробрались к оному месту. Тут Калиниченко и показал свои способности, нутром вычислил, где может находиться вражина. Остановив жестом ребят, он скользнул вдоль стены по битому кирпичу, через который пробивались островками лопухи да пырей; нырнул в проем и замер под щербатым выступом у закопченной амбразуры окна. Услышав шорох и приглушенные голоса, отстегнул чеку и баскетбольным крюком забросил «феньку» внутрь. Взрыв. Садануло тогда по перепонкам крепко. Неожиданно из боковой щели вместе с облаком пыли вылетел весь в крови перепуганный насмерть парень с квадратными глазами, его Калина тут же вырубил молниеносным ударом подъема в голову. Обыскали «потроха вонючего». Ничего крамольного не нашли, кроме «синяка» на правом плече. А за стеной обнаружили мертвого снайпера. Потом Игорек здорово переживал, что не взял ту гниду живьем. Двенадцать зарубок было у гада на прикладе винтовки. Двенадцать жизней наших ребят.

Ближе к кабине расположился стройный розовощекий красавец Меркулов, вечно недовольный всем тип с бегающими карими глазами. Была у младшего сержанта одна нехорошая черта: тырить все, что плохо лежит. Мародер он был отпетый. Если б не Вишняков, плакали бы «вахи» горячими слезами, оплакивая свое добро. Ему бы служить в средние века, когда полководцы давали своим солдатам три дня на разграбление захваченных городов. Уж тогда бы он постарался на славу. Пришлось Александру прилично попотеть с подшефным. Одних только нравоучительных бесед было проведено, наверное, не менее трех. А уж потом Вишняков воспитывал его своим проверенным способом, крепким кулаком. Чтобы в следующий раз неповадно было, навешал люлей сверх меры, вырабатывая устойчивый условный рефлекс.

Напротив Меркулова клюет носом, то и дело вздрагивая, невыспавшийся после ночного наряда Боливар, Вася Светлов. Невысокий жилистый парень с уродливым белым шрамом через лоб. Служил в московском погранотряде в Таджикистане, воевал с бандами наркокурьеров и прочей сволочью. Насмотрелся на гражданскую войну, на резню, – выше крыши! На толпы несчастных беженцев. То в Афган прут сплошной галдящей стеной со своими чумазыми ребятами, то оттуда, голодные, оборванные, пытаются вернуться. А прозвали его за выносливость и недюжинную силу, потому что двужильный он, как Боливар, что «не вынесет двоих».

– Считай, по-нашему, мы выпили немного! Не вру, ей-богу! Скажи, Серега! – обернувшись и дружески хлопнув по плечу Полякова, пропел радист Мартыненко.

– Отстань! – отмахнулся хмурый Сергей, недовольно мотнув головой.

– Вы не глядите, что Сережа все кивает, – продолжал неугомонный радист. – Он соображает, все понимает! А что молчит – так это от волнения, от осознания и просветления...

Алешка Мартыненко, самый молодой из команды, необстрелянный. Отслужил в Чите во «внутренних», потом вернулся домой в Тольятти, устроился на ВАЗ. Все складывалось прекрасно: хорошая работа, приличный заработок, учиться поступил на заочное отделение. На следующий год летом поехал с компанией друзей-туристов на Грушинский фестиваль, песни послушать, людей посмотреть, себя показать. Там все и случилось. Познакомился с красивой веселой девушкой, вместе на «горе» фонариками светили, если прозвучавшая песня нрави-

лась. Влюбился без памяти. Женился. Теперь локти кусает. Любимая оказалась распоследней шлюхой, каких свет не видывал. Ее, говорит, в Самаре каждая шавка знала. Одним словом, гулянками, пьянками и прочими фортелями довела парня до «края». Опозоренный, оскорбленный в лучших чувствах, парень готов был на себя руки наложить. Мать и друзья советовали сменить обстановку, уехать куда-нибудь на время, пока не уляжется нервный срыв и не зарубцется душевная рана. А тут набор контрактников в Чечню...

Зажмурившись от лучей солнца, мелькавших в просветах между деревьями, словно вспышки стробоскопа, Вишняков опустил голову и устался в пол. Он никогда не садился в кабину, где висело облако пыли, хоть топор вешай, а предпочитал трястись со всеми в кузове, обдуваемый ветерком. Да и в железной коробке чувствовал себя неудобно, как в мышеловке. Поэтому всегда уступал свое место рядом с Витькой Мухомором кому-нибудь из подчиненных.

Витек – тертый калач. Афган прошел: «наливники» гонял до Герата. Дважды горел, левая сторона лица сильно обезображена. На перевале Саланг, зимой, в туннеле, забитом военной техникой, чуть богу душу не отдал. Еще б немного – задохнулся. Неряха страшный, вечно чумазый, как трубочист, но машину держит в идеальном состоянии. Лихачит, конечно, этого не отнимешь, характер такой, неукротимый, как у мустанга. Какой русский не любит быстрой езды?

Частенько приходится «контачить» с аборигенами. Как-то в разговоре один из местных «чехов» обозвал Вишнякова жестоким ястребом. Да, они ястребы. Безжалостные ястребы. И будут ими, пока всякая мразь убивает, калечит русское население. Глумится над немощными стариками, насилует беззащитных женщин, детей лишает детства, превращая в бездомных сирот. Они ястребы для всякой сволочи, которая за все ответит: за кровь, за слезы, за рабство. Пощады от них пусть не ждет. Они – ястребы.

Впереди, с бойцами на броне, пылили «бэтээры», лихо, словно болиды «Формулы-1» на гоночной трассе, объезжая колдобины и ямы. «Урал» трясло и подбрасывало на, испещренном рытвинами асфальте. У бойцов белесые соляные разводы под мышками. От едкого пота пощипывает глаза. Вишняков лизнул языком блестящую на солнце тыльную сторону ладони. Привкус соли.

– Эх, искупнуться бы, мужики!

Пуля, пробив пластину бронежилета и зацепив позвоночник, прожгла правое легкое и засела в ребрах. Александра от удара развернуло, и он, потеряв сознание, как мешок шмякнулся на дно кузова рядом с запасным скатом, в который они упирались пыльными «берцами».

Он не слышал ни взрыва фугаса перед автомобилем, ни бешеной автоматной трескотни, ни криков, ни стонов своих товарищей. Сверху всей тяжестью на него навалился, дергающийся в конвульсиях Поляков с широко открытым в агонии синим ртом...

Вишняков, закованный наглухо в гипсовый корсет, смотрел в белый потолок, на котором ему были знакомы все шероховатости и трещинки. Мишка Боженков вслух читал газету. Чтение часто прерывалось горячими спорами и колкими репликами, которые отпускали больные. Внезапно Мишка на полуслове замолчал. Наступила гробовая тишина, несвойственная их шумной палате. Александр, лежащий у окна, в недоумении повернул голову. Взоры всех были устремлены в сторону открытой двери. Там, рядом с заведующим отделением Ароном Ивановичем стояла женщина в белом халате, без чепчика, с короткой стрижкой. В левой руке у нее был большой полосатый пакет, в правой – скомканный носовой платок. После ранения зрение у Александра значительно ухудшилось. Что-то знакомое почудилось ему в этом расплывчатом женском силуэте. Он во все глаза вглядывался, боясь из-за невесть откуда появившегося тумана, потерять родные милые черты. Теплая нежная волна накатила на него.

– Гаврошик, – прошептал он сквозь слезы...

Подрывники

Впереди медленно двигались, внимательно всматриваясь в поверхность дороги и торчащие по обочинам кусты, Мирошкин с овчаркой Гоби и саперы, вооруженные миноискателями и щупами. А за ними, чуть поодаль, взвод старшего лейтенанта Тимохина. Осень была в самом разгаре: посадки, окаймлявшие дорогу, уже начали сбрасывать с себя позолоченную листву. Сдуваемые легким прохладным ветерком умершие листья, переливаясь на солнце яркими красками, плавно кружились и падали на головы и на плечи солдат, на покрытый колдобинами и рваными заплатами старый асфальт. Чистый утренний воздух пьянил божественными запахами осени. Дышалось легко, непринужденно, полной грудью. Тишину нарушали только завораживающий шелест листвы да посвистывание какой-то перелетающей с места на место одинокой пичуги за кюветом, заполненным мутной водой. Солнечные лучи ласкали молодые задумчивые лица, играли на них веселыми юркими бликами и слепящими глаза зайчиками отражались на холодных стволах «калашей». Хотелось жить, мечтать, любить и не думать о войне.

Обернувшись, рядовой Пашутин заметил, как кто-то юркнул в заросли в метрах двухстах у них за спиной. Он тут же доложил об увиденном командиру.

– Продолжаем движение! Стефаныч, разберись! – распорядился обеспокоенный Тимохин, обращаясь к старшему прапорщику Сидоренко. – Что-то мне это совсем не нравится.

– Самурский, Пашутин, Танцор, Кныш! Выяснить, кто там маячит у нас на хвосте? – тут же отреагировал опытный служака.

Разведчики с автоматами на изготовку, перемахнув через канаву с водой, растворились в густых зарослях. Оказавшись на той стороне посадок, быстро направились вдоль них назад; старались двигаться быстро и бесшумно, внимательно глядя под ноги и осматриваясь по сторонам. Вдруг, идущий впереди, сержант Кныш резко присел, подняв руку. Все замерли. Но было уже поздно. Их заметили. Со стороны дороги раздались выстрелы. Солдаты открыли ответный огонь. Неожиданно, почти рядом, за поворотом, ударил мощный взрыв. Земля вздрогнула, качнулась. Крепко заложило уши, так бывает, когда ныряешь на большую глубину.

– Огонь! – выкрикнул Кныш, стреляя и отчаянно продираясь напрямик через кусты. Они выскочили на дорогу, над которой все еще стоял огромный столб дыма и пыли. Добежали до поворота. Их глазам предстала дымящаяся зияющая воронка, около которой покрытые песком и кровью валялись в изодранном в клочья тряпье изуродованные останки убитого и покрытый пылью «АКС» без «магазина». Из образовавшейся воронки несло гарью и кислым запахом тротила. Танцор, Эдик и Ромка, опасливо оглядываясь по сторонам, присели на корточки, стараясь не смотреть на то, что недавно было человеком. Кныш обошел место взрыва, у края дороги задержался, тщательно всматриваясь в следы. В селе, до которого было около полутора километров, во всю ревели «бээмпешки» их батальона.

– Парни! Гляди, кровь! Он был не один! – крикнул Володька Кныш, показывая пальцем на примятую пыльную траву у обочины. На сухих травинках и серых обломанных кустах темнела большими смазанными каплями свежая кровь. Кровавая дорожка за кюветом пересекала тропинку, вытопанную овцами, и исчезала в густом колючем кустарнике.

– Предельное внимание! Могли запросто обочину дороги заминировать и придорожную канаву!

– На хрена канаву-то?

– После подрыва все уцелевшие рванут искать укрытие. А где укрыться? Как не в канаве. А там их ждет – сюрприз!

– Ловко придумано! – присвистнул Чернышов.

– Это придумано еще в Отечественную, партизанами.

– Фугас ставили, сволочи! – прокомментировал Пашутин, щурясь от лучей яркого солнца. – Специально ждали, когда мы с саперами пройдем, чтобы колонну идущую следом рвануть!

– Да, видимо, мы их спугнули! Вот они впопыхах, что-то не так сделали на свою жопу!

– Туда им и дорога, уродам! – отозвался взмокший Ромка и сплюнул, с тревогой оглядываясь на придорожные кусты.

– Пиротехникам хреновым!

– Плохо у своих арабов-инструкторов учились! Двоечники, бля!

– Закрывать хлебальники! – резко оборвал подчиненных Кныш, обернувшись. – Я пойду впереди! Ты, за мной, но держи дистанцию! Метров семь, десять! А вы, мужики, прикрываете Самурая! И не высовываться! Не болтать! Глядеть в оба!

«Вэвэшники» по кровавым следам продрались через кустарник, миновали пологий овражек, откосы которого были покрыты многочисленными овечьими и козыми тропками-ниточками, вышли к небольшой рощице с порывшей редкой листвой, которую огибал журчащий обмелевший ручей. На другом берегу, на взгорке среди высокой засохшей лебеды виднелись ободранные стены давно брошенной мазанки, без крыши, без дверей. В сторонке пара серых покосившихся от времени столбов, видно все, что осталось от прежних ворот.

Солдаты залегли. Кныш поманил Самурского. Ромка, стараясь не шуметь, подполз к кон трактику.

– Роман, бери Танцора, скрытно переправьтесь через ручей и займите позицию с той стороны. Но ничего не предпринимайте. А мы с Пашутиным отсюда прощупаем эту «хижину дяди Тома».

Ромка и Чернышов проползли метров пятьдесят вниз по течению, где без труда по торчащим из воды булыжникам перекочевали на противоположный берег. Устроились под бугром, за высохшими кустами малины, торчащими с другой стороны от дряхлой развалюхи.

– Чего ждем? – прошептал на ухо товарищу покрасневший от возбуждения Свят Чернышов.

– Тише, ты, – Ромка вытер рукавом вспотевшее лицо. – Дай дух перевести.

– Может, там и нет никого. Уж давно, падла, смотался, пока мы ползали.

– Слышь, заткнись, а! Не капай на мозги.

Вдруг ударил выстрел из пистолета, за ним другой. В ответ короткими очередями затакали автоматы Кныша и Пашутина, выбивая саманную труху из стен хибары. Солдаты занервничали.

Вновь наступила томительная тишина. Только над головой легкий ветерок шелестел сухой редкой листвой, изредка посылая сверху им желтые кружащиеся «визитки» предстоящей зимы.

Снова пару раз стрельнули из мазанки.

– Лежи здесь. Я попробую подобраться ближе, – сказал, не выдержав, Танцор, его блестящие от возбуждения глаза стали похожи на две большие черные пуговицы на старом дедушкином пальто.

– Тебе, что Кныш велел? Сидеть и не рыпаться! – сурово цыкнул на напарника разозлившийся Ромка.

– Ладно, уговорил. Только я все равно «эфку» зашвырну «ваху». Для профилактики. Чтобы не скучал, падла!

Чернышов извлек из кармана потрепанной разгрузки «лимонку».

– А добросишь, лежа-то? Не вздумай вскочить! Плюху-то в один миг схлопочешь!

– Не бзди, Самура. Башку только пригни пониже. Сейчас мы ему устроим «танец живота».

Танцор просунул палец в кольцо, но выдернуть «чеху» не успел: из развалин выскочил взъерошенный «чех» в темно-синей спортивной куртке с закатанными рукавами, вооруженный пистолетом, и побежал с бугра вниз, прямо на них. Приподнявшись с перепугу ему навстречу и стиснув зубы, Ромка отчаянно задергал затвор, выплюнув вправо пару патронов, нажал на спуск. Растерявшийся «чех», увидев перед собой бойцов, метнулся было в сторону, но длинная очередь из автомата безжалостно отшвырнула его назад. Взмокшие от волнения, солдаты, выжидая, продолжали лежать в укрытии, держа на мушке лачугу и упавшего «духа». В нескольких метрах от них на спине лежал сраженный боевик, из которого медленно уходила жизнь. Был хорошо виден его небритый квадратный подбородок и судорожно дрожащий выпирающий под ним кадык. Дернувшись, «чех» затих. Душа отлетела.

Вдруг из-за облупившейся стены хаты высунулась, блеснув на солнце, бритая голова сержанта Кныша, и он коротко свистнул им, подзывая. Солдаты с облегчением покинули свою засаду, с опаской подошли к мертвому. Это был молодой рослый парень, лет двадцати трех, с сильными жилистыми, как у борца, руками, почему-то по локоть испачканными в запекшейся крови. Он лежал на спине, в упор прошитый Ромкиной очередью, с открытыми темно-кариими глазами, удивленно уставившимися на подошедших «вэвэшников». Самурский наклонился, выдернул из все еще сжимавшей руки чеченца «макаров», извлек обойму. Патронов в ней не было. Спрятал «ствол» себе в карман. У брошенного жилища, заросшего со всех сторон лебедой и крапивой, на всякий случай осмотрелись по сторонам. Чем черт не шутит. Через амбразуру, которая когда-то была входом, проникли внутрь разрушенной хибары. В углу у потрескавшейся стены на земляном полу, давно заросшем сорной травой, на изодранной в клочья куртке лежал окровавленный пацан лет четырнадцати, здорово посеченный осколками. Правая рука выше локтя была туго перетянута поясным ремнем. Кисти не было. Вместо нее торчала раздробленная культя с обрывками кожи, нервов и артерий. Мальчишка был серьезно ранен, из полуоткрытых неподвижных глаз по опаленному лицу, по перемазанным исцарапанным щекам, оставляя грязные дорожки, медленно ползли слезы. Он лежал молча, только иногда издавал тихое нечленораздельное мычание и повизгивал как маленький слепой щенок, потерявший сиську матери. Из-под плотно прижатой к животу ладони сквозь набухший рваный свитер и тонкие пальцы сочилась грязная кровь перемежку с экскрементами.

– Что, поиграл в войнушку, сопляк? – сказал сурово Кныш, обращаясь к раненому находящемуся в шоке подростку и внимательно окидывая хмурым взглядом из-под выгоревших бровей захваченные с боем «апартаменты».

– У них тут, видать, штаб-квартира была! Гляди, вон еще пара фугасиков припасена и электропроводов целая бухта! Ребятишки, похоже, во всю здесь развлекались!

– «Зелененькие» заколачивают, прямо не отходя от дороги! – откликнулся Свят Чернышов, извлекая из кармана пачку «примы», и протягивая Эдику.

– Работенка, не бей, лежачего! – поддакнул Пашутин, закуривая.

Контрактник, кряхтя, присел на корточки и заглянул в лежащий рядом с фугасами мешок из-под сахара.

– Парни, кому для баньки мыла дать? – с усмешкой обратился Володька Кныш к солдатам, извлекая из мешка на божий свет четырехсотграммовую тротилую шашку. – На всех хватит! Здесь их не меньше двадцати штук!

– Кныш, что с этим делать-то будем? – спросил Эдик, брезгливо сплевывая и кивая на раненого подростка, от которого распространялся неприятный запах.

– Я бы шлепнул гаденыша, чтобы не мучился! Сами смотрите! – подвел черту угрюмый сержант. – Пойду второго посмотрю, что за птица! Как никак, несколько раз стрелял в меня! Хорошо гад стрелял! Пульки вперишку прошли!

– С «макарова» палил, сука! – пробурчал вслед ему Танцор, склонившись и прикуривая от сигареты Пашутина.

– Укол надо бы сделать, – сказал бледный Ромка, обернувшись к товарищам.

– На хера, все равно кровью изойдет! – почувствовав сильную тошноту, Пашутин сморщился, отвернулся и сплюнул. – Лучше для своих ребят приберечь! Чем на всякую шуштуру тратиться!

– Что, так и бросим? Святка?

– Что Святка? Что Святка? Ты чего ко мне пристал? – вспыхнул вдруг Чернышов. – Хочешь? Тащи на себе! Смотри грыжу не заработай!

– Только как бы потом тебе, Самурай, наши ребята п...дюлей не навтыкали! – добавил Пашутин. – Как им в глаза будешь смотреть? Тоже мне, гуманист выискался!

– Помрет, ведь, мальчишка!

– Послушай, ты, мать Тереза! Вот, этот чернявый пацан, полчаса назад дорогу минировал со своими поделниками, по которой ты и твои же ребята должны были ехать! Елага, Виталька Приданцев, Привал, Крестовский, Квазимодо! Что теперь скажешь? А не ты ли, на прошлой неделе вместе со Стефанычем «двухсотых», саперов подорвавших на фугасе, в вертушку загружал?

Ромке сразу же вспомнился тот пасмурный октябрьский день, тогда на «проческе» они с Приваловым обнаружили убитого заминированного солдата.

На убитого младшего сержанта за разрушенной фермой первыми наткнулись рядовые Самурский и Привалов, когда осматривали развалины. Он лежал на битом кирпиче, плотно прижавшись щекой к красному крошеву, словно вслушивался, что же там такое делается глубоко под землей. Левая сторона лица и торчащая из-под воротника бушлата шея были в запекшейся крови: у солдата боевики отрезали ухо. На нем поверх бушлата был выпивший «бронник» с номером «43», выведенным когда-то белой краской; рядом сиротливо валялась каска, будто шапка нищего для подаяния, оружие и разгрузка отсутствовали. «Вэвэшники», настороженно оглядываясь по сторонам, сначала прошли вперед, потом, убедившись, что опасности нет, вернулись к мертвому.

– Давно лежит. Чуешь душок. Да и пухнуть начал, – констатировал Ромка, доставая из кармана сигареты и закуривая.

– Может перевернем?

– Зачем?

– Посмотрим, что за пацан!

– Привал, чего тебе вечно неймется? Тебе что, делать нечего? Так не видать? Не насмотрелся еще на мертвяков? Мне же эти смотрины вот уже где! – Ромка провел себе ладонью по горлу. – По ночам задрючили. Дальше уж некуда. В психушку пора!

– Может, кто из наших?

– Не, не похоже. Если бы был из наших, мы бы знали. Скорее «махра», но уж точно не «контрабас».

Из-за ближнего к ним коровника с обвалившейся наполовину кровлей показались Головки, Чернышов, Секирин и Виталька Приданцев с кобелем Караем.

– Кого нашли, мужики?

– Пехоту!

– С чего ты взял, что это «махор»?

– Куда его куснуло? Что-то не врублюсь! – полюбопытствовал рядовой Секирин, присев на корточки и рассматривая убитого.

Вдруг кобель, ткнувшись носом в убитого, занервничал, засуетился, не находя места, заскулил и сел, преданно уставившись на проводника.

– Парни! Мина! Все назад! – испуганно завопил Виталь, отчаянно дергая за поводок Карая, тот же упорно не хотел трогаться с места. Все уже давно привыкли, что кобель не минно-розыскная собака, и сейчас были поражены его неадекватным поведением. Карай же, наоборот,

почуяв запах тротила, вспомнил всю былую науку, которой его пичкали в части. Солдаты в страхе сыпанули в разные стороны от трупов.

– Секира и Танцор! Ну-ка, дуйте за саперами! – распорядился контрактник Головкин.

Через минут двадцать пять, на уляпанной «по уши» рыжей грязью «бэхе» со старшим прапорщиком Стефаньком и Секириным на броне прикатили саперы. Недовольного коренастого сержанта со злыми, как у киношного злодея, глазами сопровождал рядовой, наверное, стажер. Приказав всем убратъся подобру-поздорову подальше в укрытие, они, напялив на себя «броники» и «сферы», подошли к убитому. Посовещавшись, обвязали солдату ноги и подцепили «кошкой», которой вырывают мины из земли. Размотав шнур, залегли за кучей битого кирпича, оставшегося от былой стены дома. Тянуть лежало было неудобно, да и вес младшего сержанта был довольно приличным. С трудом протаскив его метра три, поднялись, не спеша направились к нему.

– Странно, – пробурчал озадаченный сержант, осматривая грунт. – Ничего! По нулям! Лень, дай-ка щуп! За мной не иди, я сам!

Миновав убитого, он подошел к тому месту, где тот только что лежал и принялся щупом тщательно исследовать землю. Флегматичный напарник с миноискателем присел на корточки чуть поодаль, в метрах восьми. Ромка с товарищами с интересом наблюдали за действиями саперов из надежного укрытия.

Сержант вдруг на что-то наткнулся, отложив в сторону щуп, стал осторожно пальцами разгребать землю и вскоре он извлек на божий свет «ПМН» в пластмассовом корпусе. Передал смертоносную находку товарищу и продолжил опасную работу.

Вдруг земля вздыбилась... Мощный взрыв разметал саперов в стороны, разлетевшимися осколками поранив уцелевшие стены разрушенного дома, подняв огромное облако удушливой пыли...

Ромкины воспоминания прервал появившийся задумчивый Володька Кныш с пыльными берцами в руке, снятыми с убитого боевика, которые швырнул к ногам Пашутина.

– Держи, Академик!

– Ты чего, Кныш? Совсем взбрел? Чтобы я после мертвеца... Да ни за что!

– Тебе что? В лобешник дать? Вундеркинд хренов! Голубая кровь, бля! – вдруг взорвался, багровея, контрактник и отвесил увесистую оплеуху Эдику. – Скидай свою дрань! Кому сказал? Повторять не буду!

Черная коза

Ноябрь. Последние дни командировки. Военная колонна змейкой медленно ползла по вьющейся дороге. Необходимо было успеть до темноты добраться до Хасавюрта. В воздухе искрилась дождевой пылью и играла радугой легкая изморось. Встречный сырой ветер продирает до костей. Миновали несколько блокпостов, оборудованных как маленькие игрушечные крепости. Окопы, дзоты, мешки с песком, бетонные блоки, зарывшиеся по макушку БТРы. Вырубленные подчистую деревья и кустарники вокруг, чтобы не могли укрыться в «зеленке» снайперы или группы боевиков. Все подходы на ночь тщательно минируются, ставятся растяжки и сигнальные мины. Утром саперы их снимают, чтобы своих не отправить к праотцам. А там, где поработал «Град», лишь обгорелые обрубки стволов и выжженная перепаханная вдоль и поперек земля. На обочинах дороги кое-где попадались остовы искореженной сожженной бронетехники, которая нашла здесь последний приют еще с прошлой чеченской кампании.

Неожиданно шквал огня из гранатометов и пулеметов полоснул по колонне с пригорка. Головной и замыкающий БТРы вспыхнули как факелы. Из замаскированных укрытий пристрелянные пулеметы кинжальным огнем сеяли панику и смерть. Колонна развалилась прямо на глазах. Грохот гранат, отчаянные крики, нечеловеческие вопли раненых, автоматная бешеная трескотня, взрывы боекомплектов, все слилось в сплошной крошечный ад.

Шилов примчался, как только узнал о трагедии, разыгравшейся под Герзель-Аулом.

– Миша, Лене не говори... – шептал капитан Терентьев, с трудом разлепляя потрескавшиеся бледные губы.

– Коля, все будет хорошо, – успокаивал Шилов друга, держа его черные от гари пальцы в своих сильных ладонях и вглядываясь в серые неподвижные глаза с опаленными ресницами.

Николая увезли в операционную. Капитан, расстегнув отсыревший бушлат, подошел к окну в конце коридора, где курила группа раненых. Прикурил. До погруженного в горькие думы Шилова долетали обрывки разговора.

– Под станицей Степной во время разведки боевики накрыли его группу минометным огнем...

– Ну, думаю, кранты! Не знаю, каким чудом тогда вырвались из той передраги...

– Надо было каким-то образом вернуть тела погибших. Обратились к местным старейшинам. На переговоры выезжал сам «батя», полковник Лавров. Сошлись на том, что погибших ребят обменяют на четырех убитых чеченцев...

– Из носа и ушей течет кровь, бля! Башка трещит как грецкий орех! Вот-вот гляди треснет! Ничего не соображаю...

– Во время зачистки в подвале одного из домов наткнулись на солдатские останки. Вонючка страшная, тела разложившиеся. Человек восемь. Жетонов, документов нет. Судя по всему, контрактники...

– Да контрактники гибнут пачками, их бросают в самые опасные места. В самое пекло.

– Командование за них никакой ответственности не несет.

– Ему плевать на них, – согласился скрюченный солдат с загипсованной рукой.

– Оно отвечает только за солдат «срочников», за них голову снимут, а на «контрактников» всем насрать...

– Контрабасов, мне один штабист говорил, даже в списки боевых потерь не включают.

– Послушать генерала Ванилова, так получается, что у нас...

– Наверняка числятся пропавшими без вести, – говорил невысокий веснучатый парень с забинтованной грудью.

– Потери в частях «федералов» жуткие, – донеслось до Шилова. Он, прохаживаясь по длинному коридору, сжимал до хруста кулаки. Госпиталь был буквально набит ранеными. Было довольно много солдат, получивших осколочные ранения от своей же артиллерии и авиации.

«Да что же это творится? Полководцы Жуковы, твою мать! Когда же этому бардаку будет конец?» – лезли в голову мысли.

– Доктор, как он? – метнулся он к молодому высокому хирургу в забрызганном кровью клеенчатом фартуке, наконец-то появившемуся из операционной.

– Безнадежен. До утра, боюсь, не протянет! – глубоко затягиваясь сигаретой, устало ответил тот. Шилов в отчаянии нахлобучил шапку и направился к выходу.

– погоди, капитан! – окликнул его хирург и исчез в операционной. Через пару минут появился и протянул капитану полстакана спирта. Выпив залпом спирт, мрачный Шилов вышел на крыльцо госпиталя.

Попытался зажечь спичку. Не получилось. Сломалась. Следующая тоже. Наконец прикурил. Начало смеркаться. На соседней улице с облезлой мечети заголосил мулла. На душе было погано как никогда.

Хотелось вдрызг нажраться вонючего спирта, взять в руки «калашников» и крушить, крушить, крушить все вокруг. Стрелять эту мразь! Рвать зубами погань! Сколько можно терпеть это дерьмо! Ему вспомнилась последняя «зачистка», которую проводили вместе с СОБРОм из Екатеринбургa в Курчали. Благодаря овчарке Гоби во дворе одного из домов, под деревянным щитом, обнаружили сырой глубокий зиндан. А в нем четверых заложников. Трех военных и парнишку-дагестанца. Все изможденные, оборванные, избитые. Худые заросшие лица. Животный испуганный взгляд. Больно смотреть. Особенно на «старлея». У него были отстреляны фаланги указательных пальцев. Седой весь. Передние зубы выбиты. Вместо левого глаза сплошной кровоподтек! Когда нас увидел, затрясся как осиновый лист, заплакал навзрыд. Говорить не мог. Рыдая, заикался. Дрожал всем телом, как загнанный зверь. Вцепился в разгрузку «собровца» Юркова изуродованными руками и боялся отпустить. Повезло хозяевам-гнидам, что смылись! А то бы мы такую зачистку бы этим ублюдкам устроили! За яйца бы подвесили, гадов! И подсоединили бы полевой телефон, нашу маленькую шарманочку! Вот это была бы пляска, похлеще твоей ламбады! Сраная Чечня! Тут каждая двенадцатилетняя сопля может жахнуть тебе в спину из «мухи» или «эрпэгэшки». Оружия у «черных скотов», хоть жопой ешь. Почти в каждом доме арсенал имеется. Ни какие-нибудь тебе кремневые ружьишки ермоловских времен, а новейших систем гранатометы, минометы, снайперские винтовки с «забугорной» оптикой, тротилловые шашки и прочая хрень. В одном месте даже зенитно-ракетный переносной комплекс обнаружили. После зачисток, можно сказать, трофеи вагонами вывозим. В глазах у всех неприкрытая ненависть, вслед плевки и проклятия. Проезжаешь мимо кладбища, а там над могилами неотомщенных боевиков лес копий торчит с тряпками. Значит, будут мстить, будут резать, безжалостно кромсать нашего брата. Значит, какой-нибудь пацан из русской глубинки, как пить дать, найдет здесь себе погибель. Сколько еще наших ребят сложат свои головы в долбаной Ичкерии!

Шилов в сердцах двинул со всего размаху по железным перилам кулаком, они жалобно задребезжали, заходили ходуном.

Обидно! Конец командировки! И на тебе! Подарочек! Падлы черножопые! Если бы не «вертушки» и не Уральский СОБР, подоспевшие на выручку из Ножай-Юрта, полегла бы вся колонна. Вот и нас не миновала беда. Постигла незавидная участь «калачевской» и «софринской» бригад. Угодили-таки, в засаду басаевских головорезов. Не обошла смертушка стороной пацанов-дембелей. Не пожалела. Лучше бы они на заставе в горах продолжали замерзать сверх срока, так нет же, дождались на свою головушку плановой замены. Выкосила мерзкая старуха почти всех безжалостной косой по дороге домой.

– Эх, Николай! Коля! Что я теперь, Ленке скажу? – Шилов шмыгнув носом, снова со всего маха двинул кулаком по перилам. – Как я в ее серые глаза посмотрю?

Дверь распахнулась настежь, двое санитаров, задевая дверные косяки, выносили покрытые рваной окровавленной простыней носилки. Капитан посторонился, пропуская их. С носилок свешивалась закопченная рука убитого с ободранными в кровь пальцами. На указательном тускло поблескивала знакомая серебряная печатка с изображением боксерской перчатки. За ношение этого кольца он неоднократно гонял сержанта Широкова в наряды.

Вечер. Военный городок. Лена, жена капитана Шилова, после новостей по РТР, погладив детское белье и уложив детей спать, вновь включила телевизор. В программе «Время» шел репортаж из Чечни, который вел репортер Александр Сладков. Показывали генерала Трошина, который заявлял, что боевики наголову разбиты, что контртеррористическая операция закончена. Что остались мелкие группки бандитов, которые попрятались по пещерам.

Потом показали Ястребова, который, хмуря лоб, рассказывал об успехах ОГВ.

Неожиданно раздался телефонный звонок. Лена подбежала и в волнении подняла трубку. Звонила подруга, Сафронова Людмила, жена комбата.

– Леночка, милая! Здравствуй! Как у тебя дела? Как детишки? У меня хорошая новость, дорогушка! Только что, звонил Максим. Говорит, что у них все хорошо, спокойно. Так что не волнуйся! Ты, кстати, смотрела сегодня программу «Время»?

– Да, только что! Ястребов говорит, что контртеррористическая операция уже практически завершена. Боевиков жалкая горстка осталась. Но я все равно страшно переживаю.

– Макс такой веселый! Все шутит, ты же его знаешь! Привет передает от твоего Миши! Так что не волнуйся, голубушка!

После телефонного разговора Лена прошла в детскую. Поправила одеяло у Сережки, поцеловала спящую Натальюшку в макушку. Подошла к окну. За окном горели уличные фонари, медленно падал редкий пушистый снег.

Вчера она была в церкви. Огоньки горящих свечей сквозь намернувшиеся на глаза слезы казались светлыми расплывчатыми пятнами. Через витражи окон косо падали длинные узкие лучи света, которые словно живые играли в полумраке храма. Среди молящихся было немало молодых лиц. Вот тонкая женская рука поставила потрескивающую горящую свечку. Лена узнала впереди стоящую молодую женщину, это была несчастная Таня Бутакова, муж которой пропал в Чечне без вести. Чуть дальше, с другой стороны – две женщины в трауре. Рядом с ними боевые друзья убитого. Звучали слова молитвы по погибшим воинам:

– Молим Тя, Преблагий Господи, помяни во Царствии Твоем православных воинов, на брани убиенных, и приими их в небесный чертог Твой, яко мучеников изъязвленных, обогранных своею кровию, яко пострадавших за Святую Церковь Твою и за Отечество, еже благословил еси, яко достояние Свое...

Утром Шилова вызвали к «батяне». У командирской палатки стоял незнакомый обшарпанный «уазик» без левой фары и помятой крышей, изрядно помеченный пулями, рядом с ним курили капитан Карасик и четверо рослых молодых чеченцев, увешанных оружием. Ротный с недобрый предчувствием нырнул в палатку. Кроме полковника Кучеренко там находились майор Сафронов, капитан Дудаков и какие-то, судя по поведению «бати», важные чеченцы.

– Шилов, знакомься! Командир спецназа Рустам Исмаилов! Его правая рука – майор Лечи Нурмухаммедов.

Гости поднялись из-за стола и крепко пожали капитану руку. Шилов почувствовал в своей ладони узкую сильную ладонь. У командира спецназовцев на кисти не было двух пальцев. Он был среднего роста, в крепко сбитом теле чувствовалась какая-то нестигаемая сила.

Взгляд был прожигающий, лицо рассекал уродливый шрам. У его бородатого помощника, в отличие от шефа, было открытое молодое лицо со смеющимися карими глазами.

– Рустам со своими ребятами будет выдавливать, – полковник ткнул красным карандашом в карту, – этих тварей из ущелья, вот отсюда. Видишь? Лучше места не придумать. Наша же задача, встретить их здесь, на выходе к селу, у излучины реки.

После чая чеченцы попрощались и уехали.

– Прямо головорезы какие-то с большой дороги! Настоящие абреки! Где ты их откопал, Владимир Захарович? – полюбопытствовал капитан Дудаков, прихлебывая из кружки.

– Из штаба привез. Казанец рекомендовал. Отличные, кстати, парни! А главное, надежные! У них счета с масхадовцами! Большая кровь между ними! – Кучеренко, аккуратно сложив карту, засунул ее в планшетку. – Этот Рустам очень крутой парень, огонь и воду прошел. Еще в Афгане воевал вместе с Русланом Аушевым. Потом в оппозиции к Джохару состоял. Участвовал в штурме президентского дворца в Грозном. В каких только переделках не был. Видал, у него взгляд какой? Глаз-то стеклянный. Потерял его при подрыве бронемшины, буквально по кусочкам тогда парня собирали. Весь латанный-перелатанный. Живого места на нем не было. Сильный мужик. Другой бы на его месте уж давно скис. В этом же энергии хоть отбавляй, на десятерых хватит.

– То-то я гляжу, буравит меня, словно каленым железом насквозь прожигает, – вновь отозвался Дудаков. – Аж не по себе стало.

– Не завидую никому из «вахов», если попадутся на пути Рустама. Точно придет хана! Не пощадит! Кровная месть! Полрода дудаевцы-сволочи у него уничтожили.

– И чего мы полезли в их чертовы разборки? – сказал майор Сафронов, потирая небритую щеку. – Пусть бы крошили, резали друг друга.

– Максим, помнишь, в 1996-м Грозный сдали боевикам?

– Еще бы не помнить тот «черный август»? Как нас умыли? Политики херовы!

– Так Исмаилов тогда несколько дней с «ментами» и нашими ребятами из «Вымпела» осаду сдерживал в «фээсбэшной» общаге. Чудом тогда мужики вырвались, до последнего надеялись, что помощь придет. Не пришла! А те «менты», что поверили обещаниям полевого командира Гелаева и вышли, были зверски убиты боевиками.

– Предали, сволочи! Ребята кровью умылись, заплатили головой из-за столичных выродков, – закипел побагровевший Дудаков, сжимая кулаки.

– Ну, ладно, ладно, Алексей, чего старое ворошить! Наше с тобой дело приказы выполнять! Извините, мужики, у нас тут разговор с Михаилом серьезный предстоит.

Сафронов и разраженный Дудаков покинули командирскую палатку.

– Миша, садись, – полковник Кучеренко кивнул на топчан рядом с собой. – Закуривай.

Шилов присел рядом, вытряхнул из предложенной пачки сигарету, щелкнул зажигалкой, прикурил.

– Значит, завтра отбываем домой? Дудакову хозяйство сдал?

– Да, все нормально. Дмитрич остался доволен.

– Ну, и славно. Но Сафронову и Дудакову, я чувствую, будет посложнее, чем нам.

– Да, Владимир Захарыч, жизнь здесь не покажется сахаром. Холода на носу.

Разговор явно не клеился. Офицеры молча курили. Каждый думал о своем. Шилов внутренне догадывался, по какой причине его вызвал Кучеренко, но боялся об этом даже и думать. Полковник же не знал, как лучше подойти к столь неприятной для него миссии.

– Миша, я тебя вот зачем позвал. Вот, держи. Это Николая, – подполковник, не поднимая взгляда, протянул капитану руку и разжал кулак.

На ладони Кучеренко тускло поблескивали «командирские» часы. Шилов сразу узнал знакомый циферблат. Лена подарила одинаковые часы ему и своему брату на 23 февраля в прошлом году.

Он как сейчас, помнил тот морозный день. Они всей семьей сидели за праздничным столом. Он, Лена, дети. Он только что пришел домой с торжественного парада в части. По дороге они с майором Сафроновым пропустили в кафе по паре стопок в честь великой даты. За что Лена, естественно, его пожурила. Сели за стол. Ждали шурина, который невесть куда запропастился, хотя заверял, что будет ровно в три. Тут звонок в дверь. Открыли, а на пороге – брат Лены, Николай Терентьев в парадной форме с цветами и тортом. Лена бросилась обнимать и целовать брата.

– Коля, миленький, с праздником! Это от меня! Это от нашей мамы! Это от Сережи и Натальюшки! А Миша тебя сам поцелует!

– Я его поцелую! Я его так поцелую! – сердито отозвался хозяин.

– Капитан Терентьев по вашему приказу прибыл, мон генераль! – Николай, вытянувшись, щекнув лихо каблуками, отдал честь. – Сережка, держи скорее торт! Вкуснятина, пальчики оближешь! Шоколадный!

– Проходи, вояка! Уже все давным-давно за столом! Только тебя и ждем! – Шилов, пощелкивая подтяжками, топтался в прихожей вокруг шурина. Лена и Сережка с цветами и тортом убежали в кухню, откуда доносился сногшибательный аромат ванили.

– Ты куда же слинял, хорек? Мы же договаривались, что вместе с Викторычем идем в «Сиреневый туман» отмечать нашу славную дату.

– Миша, шерше ля фам, сам понимаешь? – полушопотом ответил Терентьев, вешая шинель и делая хитрые глаза.

– Ну и кобелек, – покачивая головой, отозвался хозяин. – Не сносить тебе головы. Верно теща говорила, что ты в папашку непутевого уродился. Тот еще кобелек был. Опять, наверное, за чужой женой ухлестывал? Плохо это для тебя, Николаша, кончится, помяни мое слово! Смотри, гулена, допрыгаешься, вызовет Синельников тебя на дуэль или шандарахнет где-нибудь на охоте с двух стволов.

– Ленка! А что, это твой несравненный в таком затрапезном виде? – крикнул Николай, закрывая щекотливую для него тему. – Ну-ка, живо китель с орденами надень!

– Говорит, что ему в нем жарко! – откликнулась из кухни Лена, колдовавшая над пирогом у открытой духовки.

– Где это он успел так разжариться, если не секрет? На дворе двадцатиградусный мороз, зище кусается!

– Тебе виднее, ты с ним служишь, а не я! Где это вы разжариваетесь постоянно!

– Места надо знать! – глухо отозвался Шилов. Округляя глаза и вертя пальцем у виска, зло добавил шопотом. – Кто тебя за язык тянет, дуралей!

Они прошли в комнату. Появилась счастливая Лена с пирогом на блюде.

– А если пару больших звезд прищипандорить на погоны, небось, не вылезал бы из кителя? – продолжал подкалывать шурин.

– Лучше одну, но очень большую, – размышлял Шилов. – Уж тогда бы точно в нем спал.

– А где у нас Натальюшка? – Терентьев заглянул в соседнюю комнату, куда от дяди спряталась застенчивая племянница. – Ах, вот она где, солнышко мое ненаглядное! Иди ко мне, маленькая моя принцесса! Смотри, красулька, какой я тебе подарок принес...

Хозяин надел парадный китель с боевыми наградами. Уселись за праздничный стол.

– Нам беленькую, а это для Ленки, церковное, – Николай поставил на скатерть бутылку кагора. – Детишкам по столовой ложке тоже можно. Для здоровья. Штопора, естественно, как всегда, нет? Кутозов, опять пробку отверткой ковырять будем?

– Николай, обижаешь! На этот раз целых два! – живо откликнулся Шилов и развернулся к серванту.

– Рад, что исправляешься! Не все, значит, еще потеряно, фельдмаршал!

– Коля, погоди! Сначала подарки! – встрепенулась вдруг Лена.

И убежала вместе с Сережкой в другую комнату. Через минуту они вернулись с загадочным видом, держа руки за спиной.

– Дорогие, любимые наши защитники, позвольте мне, вашему главнокомандующему, поздравить вас с Днем Красной Армии и вручить вам подарки от меня и наших детишек!

Она и Сережа достали из-за спин две коробочки. Открыли их. В них были часы. Сияющая Лена, целуя, вручила подарки офицерам.

– Надо же, «командирские»! – сказал Терентьев с восхищением.

– А ты как думал? – отозвался довольный Шилов.

Лена, прижав к себе своих маленьких чад, как и все, заморожено смотрела на вокзальные часы. Люда в зале хватало, ждали поезда с Астрахани. Встречающие были в радостном возбуждении, многие с детьми и цветами.

Как бы в стороне от всех стояла худенькая, как тростинка, Таня Бутакова, бледная, с темными кругами под глазами. Ее муж, Саша Бутаков, прапорщик, в октябре пропал без вести, до сих пор о нем нет никаких известий. Все офицерские жены очень ей сочувствуют. Она осталась совсем одна со своей малюткой.

Стрелка дрогнула и сдвинулась еще на одно деление. Как медленно движется время. Сейчас Лена их увидит. Своих, таких родных и любимых. Мишу и Колю.

– Вот уже больше двух месяцев мы ничего не знаем о нем, не было ни одного письма. Родители сходят с ума, слезы каждый день... – услышала она за спиной всхлипывающий женский голос.

Вот диктор объявила о прибытии поезда, и шумная пестрая толпа повалила на перрон. Наконец-то из-за поворота показался в клубах пара зеленый, с красной полосой, локомотив.

– Миша! Миша! Мы здесь! – крикнула она и отчаянно замахала рукой, издали увидев осунувшееся усатое лицо своего мужа. Он с трудом пробился сквозь гудящую толпу и обнял своими сильными руками жену и детей. Веки у него дрожали, губы старались улыбнуться. Трехлетняя девчушка испуганно прижалась к матери, она не узнала в этом страшном небритом дядьке своего отца. Потом, осмелев, исподлобья взглянула на него. Он, грустно улыбаясь, разговаривал с мамой и Сережей.

– Миша, что-то Коли не видно, – сказала счастливая Лена, окидывая взглядом возбужденную пеструю толпу.

– Лена, Коля погиб, – еле выдавил из себя Шилов, пряча от нее глаза, из которых вдруг потекли слезы по колючим небритым щекам.

Ей сразу вспомнился тот странный день. Неделью назад. Натальюшка спала. Сережка был в садике. Постирал белье, она накинула на плечи мужнин бушлат и с тазом выскочила во двор. Было довольно свежо. Начало декабря выдалось бесснежным и морозным. Голые ветки деревьев и кустов были покрыты пушистым инеем, поблескивающим на солнце тысячами огоньков. Вокруг порхали и щебетали юркие неутомимые синицы.

Внезапно она почувствовала, как что-то в груди оборвалось, сердце как бы придавило огромным тяжелым камнем. Она обернулась и оцепенела от неожиданности: у крыльца стояла черная коза и пристально смотрела на нее своими желтыми глазами. Во взгляде было что-то гнетущее, нехорошее. Лена не замечала раньше, что у коз такие странные зрачки. От этого жуткого неподвижного взгляда ей стало не по себе, ее всю пронизала накатившая ледяная волна. Перед глазами возникла сожженная, изувеченная бронетехника, в ушах стоял звон, послышался откуда-то издали лязг гусениц и чей-то нечеловеческий крик. По телу пробежала мелкая нервная дрожь.

Лена выронила связку с прищепками. Нагнулась за ней. Когда выпрямилась, козы уже не было. Она исчезла. Лена подбежала к калитке, выглянула – длинная улица была пуста. Было что-то неестественное, загадочное, дьявольское в этом визите. Да и коз ни кто не держал в

военном городке, а ближайшая деревня неблизко. Она вернулась в дом; в детской громко плакала Натальюшка, видно, ей что-то приснилось. Лена закрутилась по дому, то уборка, то дети, и мысли о незваной гостье отпали сами собой. Забылись.

И вот сейчас, в эту минуту, когда на нее обрушилась страшная весть о гибели брата, она вспомнила ту козу. Черную козу.

– Уроды! Патроны кончились! Огня, давай! – дико заорал во сне Шилов, рванувшись и выгнувшись всем телом. Потом он резко сел в постели, тупо уставившись в стену, на ковер, ничего не понимая. На лбу проступили капельки пота...

– Мишенька, родной, милый, дружок мой, мальчик мой, – успокаивала Лена, осыпая горячими поцелуями его лицо, глаза, шею, плечи... Крепко прижав голову мужа к своей груди и нежно поглаживая его поседевшие волосы, смотрела, как на потолке ярким пятном отражается свет от уличного фонаря, и танцуют медленное танго длинные тени от качающихся за окном заснеженных веток.

Ночью она на цыпочках прошла в детскую, поправила одеяло у сына, присела у кровати Натальюшки и тихо заплакала.

Сереженька

На полной скорости БМП и «Уралы» миновали аул на взгорке, через километра полтора-два за мостом через Ямансу военные спешили, начали «проческу» лесного массива. В сером неприветливом лесу, где под ногами шуршал шикарный ковер из опавших бурых желтых листьев, отделение сержанта Кныша неожиданно наткнулось на тела двух убитых «омоновцев»: капитана, с выколотыми глазами и разрезанным до ушей ртом, и старшего сержанта, лежащего внизу в воде под обрывистым берегом на галечной отмели с вытянутыми над головой руками. Он сверху был похож на плывущего под водой ныряльщика. Мертвый же капитан одиноко стоял на краю поляны, выглядывая словно сказочный леший из-за деревьев: боевики его запихнули между двух сросшихся стволов. Распухшее посиневшее лицо представляло театральную смеющуюся маску. Кора и земля вокруг были обгажены запекшейся кровью.

«Человек, который смеется, – Ромке невольно вспомнилось название книги французского классика. – Наверное, вот так же проклятые комприкакосы уродовали детей, потом продавали их для забавы знатым вельможам».

– Смотрите, пацаны, и запоминайте! Будет за что спросить с этих выроdkов! Как только земля их носит? – сказал старший прапорщик Стефаныч, с трудом с помощью контрактника Кныша освобождая убитого из тисков и бережно опуская на землю.

– Кныш, посмотри, может документы какие есть.

«Вэвэшник», стараясь не дышать, стал обыскивать труп. Вдруг он замер, посерел весь и заорал:

– Ложись!!!

Все, кто был на поляне, в панике бросились врассыпную; кто упал как подрубленный на месте, вжимаясь всем телом в спасительницу землю-матушку, кто рванул в глубь рощи. Ромка Самурский ничком плюхнулся за ствол ближайшего дерева, пребольно столнувшись с Эдиком Пашутиным. Тот, коротко охнув, отполз дальше. Роман же прильнул щекой к холодной земле, уткнулся носом в шуршащие листья. От смятых ржавых листьев исходил душистый аромат прошедшего лета. Но в данную минуту рядовому было не до ароматов. Зажав уши, зажмурив глаза и прикрыв голову автоматом, в напряжении ждал взрыва. Слышалось лишь рядом чьето прерывистое сопение, ритмичное тиканье часов на руке и шорох прочь ползущих тел.

«Сейчас рванет! Сейчас рванет! Вот-вот, сейчас!», – думал солдат, стиснув до боли челюсти. Сердце бешено отбивало секунды. Прошло около минуты. Взрыва не последовало.

– Кныш! – негромко позвал Стефаныч, осторожно повернув голову, ища глазами старшего сержанта.

– Феня, – отозвался в ответ глухо Кныш. – В кармане.

– Может, показалось?

– Что я «эфку» от фиги не отличу? Бля, буду. Вот те крест!

– Думаешь, ловуха?

– Хер ее знает! Всякое может быть! Скорее да! Ты что, чичей не знаешь?

– Не рванула. Может, с чекой?

– Может и с чекой!

– В каком кармане-то?

– Кажется, в левом.

– Кажется или все-таки в левом?

– Погоди... Да! Да, в левом.

Стефаныч заворочался за деревом, отложил в сторону «калаш», стал, кряхтя, стаскивать с себя, набитую под завязку «разгрузку».

– Стефаныч!

– Чего, родимый?

– Ты что, ошалел? Ты че удумал?

– А ты что предлагаешь? Отлеживаться до второго пришествия Христа? Не могу себе позволить такого удовольствия! Земля даже сырая, а у меня, сам знаешь, хронический радикулит. Если прострелит, тогда мне, считай, шанец!

– Я сам!

– Нет уж, опоздал, дорогуша, старый конь борозды не испортит! В левом, говоришь? В левом... Пацаны! Отпозли все назад! Морды свои наглые в землю! В левом значит...

– Может, не трогать? Пока его оставим.

– На кого оставим? Ну ты и чудик!

Старший прапорщик, не спеша, подполз к «омоновцу», притулился с правого бока, выставив свой широкий зад. Замер, обдумывая, как бы лучше приступить к делу. Потом медленно протянул руку и осторожно опустил ладонь на оттопыренный карман убитого капитана.

– Кныш! Держу! Режь!

Кныш, вытащив из ножен клинок, с опаской приблизился, присел на колено рядом.

– Давай, давай, кромсай. Только осторожно. Без спешки. Не бойсь, рычаг крепко держу. Никуда теперь от нас не денется. Ага, так ее. Вырезай вокруг. Так, отлично. Молодец! У тебя не нож, а бритва!

– Ну, старый, ты даешь! Я аж поседел весь!

– А я, по-твоему, помолодел, что ли? – сказал, криво усмехнувшись, Стефаныч, поднимая зажатую в кулаке гранату с куском отрезанного кармана. – Ну, дорогой парниша, будем смотреть подарок?

– Чего на нее смотреть?

– С чекой граната или без.

– Ну ее к черту, бросай быстрее подальше! Бля, вся задница от страха взмокла!

Стефаныч медленно поднялся. Его сосредоточенное лицо стало багровым, словно ему на шее петлю затянули, на висках набухли вены.

– Любопытно, конечно, но ты прав, лучше от греха подальше. Не будем гневить бога. Пойду под обрыв зашвырну. Головы не высовывать!

Через минуту со стороны берега раздался взрыв: «Ф-1» оказалась на боевом взводе.

– Паскуды! Чуть не подорвали, сволочи! Сколько раз зарекался с трупами дело иметь! – ругался Кныш, нервно отвинчивая колпачок фляжки и делая жадный глоток.

– Володька, а ты оказался прав, – сказал вернувшийся Стефаныч. – Гадина без чеки была. Дай-ка, хлебнуть водицы.

– Ты что, Жопастый, с ума спятил?! Все-таки посмотрел?

– Ну, виноват, не удержался! Любопытство даже распирало. Тряпье осторожненько снял. А она без чеки!

– Ну, ты и придурок, Стефаныч! Когда-нибудь доиграешься, помяни мое слово!

– Конечно, придурок! И ты тоже такой же болван! Маху мы с тобой дали! Могли сами подорваться и пацанов подставить.

– Это просто чудо, что не рванула. Представляю, что бы было, – Кныш зло сплюнул.

– Не поверишь, на самом деле чудо. Хочешь, секрет открою, почему сучка не рванула?

– Какой еще секрет? Чего городишь, старый козел?

– Вова, не дерзи старшим! Ты обратил внимание, когда карман резал, что там семечек полным-полно было?

– Ну... И что из этого?

– Так вот, шелуха набила в дырку, где чека была...

– Я так думаю, над капитаном, бедолагой, «вахи» изуверствовали на глазах у старшего сержанта, а потом закололи, – высказал предположение Володька Кныш, оборачиваясь к

командиру. – Парень, не выдержав увиденного кошмара, бросился бежать, в отчаянии прыгнул с обрыва вниз, там его в спину с автоматов и достали.

– Похоже, что так и было. Сомневаюсь, что там под ним тоже «сюрприз» нас ждет. Хер бы они стали за ним по такой крутизне спускаться. А вот нам за братишкой придется.

– Пацаны, честно скажу, я чуть не обосрался, – поделился с товарищами Валерка Крестовский, прислонив «эсвэдэшку» к стволу дерева, присаживаясь рядом с Самурским, который с мрачной физиономией отрешенно смотрел перед собой.

– А я думал, все, хана! Вот она, смертушка, – отозвался Эдик, нервно затягиваясь сигаретой. – Самура, ты мне чуть прикладом руку не сломал.

– Свисток так рванул, только его и видели.

– Посмотрел бы на тебя, если бы «феня» грохнула, – сердито огрызнулся недовольный Свистунов, шапкой утирая вспотевшее лицо и коротко стриженную голову.

– Товарищ прапорщик! Товарищ прапорщик! Вот нашли письмо и фотку, – сказал рядовой Селифонов.

– Конверта не было? – спросил Стефаныч.

– Дай-ка сюда, – Кныш протянул руку.

– Нет, без конверта было, – отозвался выглядывающий из-за спины Селифонова пулеметчик Пашка Никонов. – В кустах вместе с фотокарточкой валялись.

С фотографии с грустной улыбкой смотрела молодая симпатичная женщина, держащая на коленях светленького пухленького мальчика лет трех, подстриженного «под горшок», с веселыми глазенками. Он удивленно уставился в объектив. Наверное, ждал, когда вылетит из фотика обещанная «птичка». На обороте была надпись: «Нашему любимому Папочке! Любим и ждем!». Кныш бережно расправил смятое письмо, написанное на двойном листе из тетради в клеточку аккуратным женским почерком:

– Дорогой Сереженька... Сергеем звали, – сказал контрактник, кивнув на убитого. Других сведений об убитом не было: документы капитана и старшего сержанта «чехи» забрали с собой.

«Да... Вот и дождутся они дорогого Сереженьку... Эх...» – подумал Ромка.

Тревожная ночь

Зачистка явно затянулась. Еще пара часов и начнет смеркаться. Темень застанет их в пути на базу, как пить дать. Ехать по горной дороге в таких условиях – полнейшее безрассудство. В один момент можно сыграть в ящик: либо ваххабиты где-нибудь засаду устроят, либо с крутого обрыва кувыркнешься и костей не соберешь.

Решили ночевать в селе. Дудаков распорядился разбить бивак в заброшенной школе. Саперы прошерстили все здание. Подогнали к нему машины и «бэхи», выставили охранение. Собрав старейшин, капитан, обильно пересыпая речь доходчивыми матерными словами, в довольно суровой форме предупредил, что если случится малейшая провокация со стороны «чехов», то он за себя не ручается, он тут же отдаст приказ раздолбать село «к едрене фени», и тогда от этого цветущего местечка, горного райского уголка, камня на камне не останется. И уцелевшие потомки на века проклянут тех, кто вынудил его это сделать. Столь категоричное заявление сурового вояки произвело на местных аксакалов должный эффект, все население села было строго-настрого предупреждено старейшинами.

Одноэтажное здание школы, к удивлению «вованов», было не разграблено, все сохранилось в нем, как было до войны. И парты, и столы, и стулья, и школьные наглядные пособия. Это было просто удивительно. Особенно после тех разгромленных и разграбленных зданий, которые попадались им там, на равнине. Скорее всего, потому, что школа стояла запертой на висячий «амбарный» замок, и потому, что местные с глубоким почтением относились к этому заведению и уважаемым учителям. Только в нескольких окнах оказались разбиты вдребезги стекла.

Было еще светло, когда «вованы» ввалились в школу шумной гурьбой, заняв один из классов.

– Смотри, братва! – удивленный рядовой Чернышов ткнул пальцем в сторону классной доски. На ней было выведено мелом старательным детским почерком число: «27 декабря», а чуть ниже – «Классная работа».

– Похоже, это в 94-м писали, перед Новым годом, – предположил кто-то. – А потом, как помните, война началась.

– Учителя, конечно, деру дали отсюда. Никому умирать не охота. С тех пор школа и пустует.

– Ни учеников тебе, ни учителей! – сказал пулеметчик Пашка Никонов, оглядываясь вокруг. – А пылищи-то, до этой самой матери!

– Не мудрено, столько лет заброшенная стоит.

Дружно сдвинули парты ближе к доске, расчищая пространство. Расположились на полу у дальней стены, свалив вещмешки и боеприпасы, закурили. Кинологи Приданцев и Мирошкин с собаками устроились у входа.

– Стефаныч, расскажи чего-нибудь, – попросил старшего прапорщика рядовой Секирин, развалившись у стенки и пуская дым кольцами.

– Ладно, слушайте, дошколята, – кашлянув, начал контрактник. – Ранней весной это было. Зачищали мы как-то один квартал, и в одном из подвалов разрушенного дома обнаружили двух девчонок лет шестнадцати-семнадцати. Одну русскую, вторую чеченку. Перепуганных до смерти. Обе тощие, щеки ввалились, скулы торчат, только одни глаза огромные на лице и остались, на прозрачной коже каждую жилку видать. Одним словом, без слез и не взглянешь. Чеченку, как сейчас помню, Айдин звали. Отец у нее инженером-нефтянником был, убили его дудаевцы, а когда наша авиация стала бомбить город, все ее родные погибли под бомбежкой. Вот она со своей подружкой, русской девчонкой, в подвале все это время и скрывалась. Забились в темный угол, как дикие зверьки в норку от страха. Наши ребята, когда шмонали

подвал, чуть не грохнули их в темноте, думали, что на боевиков нарвались. Вынесли полуживых наружу, привезли несчастных к себе на базу в Ханкалу, поместили в госпиталь под капельницы. Обе страшно есть хотят, да нельзя им, иначе помрут. Вот так постепенно, постепенно, стали их выхаживать, выкармливать, как маленьких, с ложечки. Сначала супчиком постненьким, потом уж чем-нибудь посущественнее. Немного оклимались девчонки от кошмара, происшедшего с ними, но рассказывать и вспоминать о пережитом ни в какую не хотят. Как только окрепли, стали медикам нашим помогать: убирать, перевязывать, заботиться о раненых. Славненькие девчушки оказались. Кое-кто уж стал на них внаглую зыркать, поглядывать шаловливыми кошачьими глазками да слюни сладкие распускать, но я твердо сказал, если хоть какая-нибудь сука посмеет до них, бедных, хоть мизинцем дотронуться, считай – труп. И был у нас во взводе паренек один, Кешка Макаровский, нескладный такой, круглолицый, губы пухленькие бантиком. Мы его все в роте величали уважительно «отец Иннокентий», потому что он чудной какой-то был, не от мира сего, словно с другой планеты к нам на грешную землю свалился, все время нам о боге да о любви к ближнему распинался. Часами мог на эту тему трепаться. И так складно у него все это получалось, прямо заслушаешься. Лекции бы ему читать о любви и дружбе. Одним словом, замечаю, наш Кеха странный какой-то стал, здорово изменился последнее время. Вдруг ни с того ни с сего, зачистил в лазарет к раненым. Назад придет, всем про девчонок спасенных рассказывает, как у них там жизнь замечательно складывается, как дела идут. И все больше про симпатичную смугляночку Айдин. А у самого лицо прямо-таки светится, будто ему президент Звезду Героя в Кремле торжественно вручил. Чудной весь какой-то стал. Словно святой затесался в наши мрачные ряды, где у всех посеревшие отрешенные физиономии. Вечером возвращаемся с зачистки злые, усталые, сразу валимся спать, а он бегом в госпиталь. Может быть, это так и продолжалось бы. Да тут на тебе! Бац! Дембель долгожданный! Распрощались везунчики с нами, уехали. Закончилось для них это «дерьмо». Проходит недели две-три, смотрим, рожа знакомая у блокпоста отирается. Ба! Да это никак наш Иннокентий, из Саратова обратно прикатил. Не сидится ему, дуралею, дома на теплой печи. Оказывается, наш паршивец влюбился, только там дома и почувствовал, что это у него серьезно и надолго, что не может и дня без своей чеченки прожить. Как не уговаривали мать с отцом, стоя перед ним на коленях, сорвался пацан и назад к нам в Чечню под пули. Одним словом, поженили мы их. Отметили это событие по-фронтовому, скромно, но весело. Пару недель «молодые» жили в семье одного знакомого чеченца, который в ФСБ работал, а потом уехали на Кешкину родину. Как сложилась у них жизнь, не знаю. Но думаю, хорошо. Настоящая была у них любовь. Мне лично такую в жизни только один раз видеть довелось. Вот такая история о Ромео и Джульетте, братцы.

– Отчаянный малый, не побоялся, приехал, – грустно отозвался Ромка Самурский, перебирая пальцами черные блестящие четки, найденные им накануне в схроне под Шуани.

– Мда... настоящая любовь, – протянул рядовой Пашутин, задумчиво уставившись в окно.

– Дурак, своих ему, что ли, девок не хватало? – неожиданно выдал Привалов, громко шмыгая носом. – Меня сюда и калачом не заманишь.

– Да кому ты нужен, сопля недоношенная? – оборвал его пулеметчик Пашка Никонов, пихнув кулаком Привалова в спину. – Сначала посмотришь в зеркало. Какая девка на тебя позарится? Прыщ убогий ты наш.

– Чтобы я из-за какой-то бабешки сюда вернулся? Да, будь она трижды красавица или супермодель, как Клаудиа Фишер. На-ка, выкуси! – Привалов сделал красноречивый жест, показал всем согнутую в локте руку с кулаком.

– Не Фишер, а Шиффер, балда, – поправил Пашутин.

– Один хрен.

– А у второй девчонки какая судьба? – поинтересовался Федька Зацаринин, лениво гоняя спичку из одного края рта в другой.

– Вторая осталась, хотя подружка ее звала с собой, уговаривала вместе уехать из Чечни.

– Чего она тут забыла, дуреха? Драпать надо было отсюда во все лопатки, – буркнул сержант Кныш.

– Надеюсь, что власти выплатят компенсацию за разрушенный дом, – ответил Стефаных, разминая рыжими прокуренными пальцами сигарету.

– Ха! Рассмешил! Дождешься от наших властей!

– Скорее вымрешь как мамонт!

– Не видать ей тугриков как своих ушей. А если и заплатят, то жалкие крохи. Замучается по всяким инстанциям ходить и доказывать.

– Да и те какой-нибудь головорез отнимет, а саму продаст. В лучшем случае в гарем какому-нибудь турку.

– А я бы тоже женился на восточной женщине, – вдруг заявил старшина Баканов, потягиваясь и сладко позевывая.

– С чего это тебя, дорогой Бакаша, на восточных-то, вдруг потянуло, – поинтересовался Эдик Пашутин. – Видать, неспроста!

– Чем свои-то не устраивают, – хмыкнул Пашка.

– Ни хрена, жалкие сосунки, не понимаете в семейной жизни, – отозвался старшина.

– Ну-ка, вразуми нас, бестолковых, если такой опытный.

– Дело в том, мужики, что на Востоке женщина знает свое место. У мусульман даже жилище делится на мужскую половину и на женскую. И слово мужика в доме для бабы закон.

– Ну и что из этого?

– А то, дурачье. Всегда порядок в доме. Порядок! Еще раз для особо непонятливых повторяю, порядок в доме! У них как? Мужик цыкнул на бабу, и все! Глазки в пол! Молчок! Гробовая тишина! А у нас? Цыкни попробуй, тебе она цыкнет. Так вломит скалкой между глаз, что долго звездочки будешь считать.

– Сколько раз замечал: идет джигит, руки в карманах, а сзади жена взмыленная плетется с сопливыми детишками, с тяжеленными баулами в руках и зубах, – откликнулся от двери Виталька Приданцев, лежа в обнимку с дремлющим Караем.

– Ясное дело, он же – джигит. Это ниже его достоинства, тащить всякое барахло.

– Бакаша прав. У них так.

– В чем прав? В том, что наша баба может по морде дать, или в том, что восточные послушны? – вклинился Привалов.

– Привал, ты, случайно не на девятом этаже жил, – спросил Эдик, оборачиваясь к первогодку.

– Нет, на третьем, а что?

– Выходит, маманя тебя в детстве с третьего уронила. Значит, для тебя не все еще потеряно, еще можно попытаться спасти. Но ничего, не шибко переживай! У нас медицина на мировом уровне, поможет, – продолжал ерничать Эдик. – Бакаша тебе битых полчаса распинается, рассказывает, что восточные женщины боятся, уважают и слушаются своих мужчин как богов, а твой мозговой бронепоезд все никак не допрет до этого, все еще где-то на запасном пути топчется. Этак мы никогда с тобой не придем к консенсусу.

– К чему? – недоверчиво переспросил Привалов, уставившись на Пашутина.

– Эх, валенок сибирский, тайга моя дремучая, пойду-ка лучше отолю, чего перед тобой бисер метать, все равно ни хрена не поймешь. Пацаны, кто со мной?

– Что в нашей хате, что снаружи, такая же холодрыга! Сегодня точно дуба дадим, – недовольно проворчал съездившийся, вечно мерзнувший, Привалов, вытирая сопливый нос заму-

солёным рукавом. – Приеду домой тут же женюсь, не раздумывая, найду себе пухленькую, горяченькую, чтобы не мерзнуть в постели зимой!

– Ты, че, Привал? Звезданулся!

– Совсем крыша съехала?

– При чем тут крыша?

– Да при том, бамбук! – отозвался сердито старшина Баканов из дальнего угла, где, устроившись на вещмешках, перематывал вонючую грязную портянку. – Думаешь, семейная жизнь это тебе сюси-пуси всякие, хаханьки, птичек райских пение, кофе горячий в постель, обниманцы, поцелуйчики. Ни хрена! Я тебе сейчас популярно обрисую, как все будет. Женишься. Первый месяц ничего будет, на то он и медовым зовется. А уж потом начнется настоящее светопредставление. Придешь вечером домой с работы усталый, весь разбитый, а твоя ненаглядная тебе раз леща по шее. Скажет, ты где, паразит, шляешься? Где заработанные деньги, твою мать? Покажи жировку, паршивец! У других мужики как мужики, а у меня распоследний расгильдьяй!

Валерка Крестовский, не выдержав, прыснул в кулак, остальные дружно загоготали.

– Тихо! Жеребцы! Дайте досказать-то! – продолжал Баканов. – А если, чего доброго, с приятелями кружечку-другую после трудового дня пропустишь в пивнухе, что напротив дома, вообще не завидую тебе. Кирдык тебе будет полный! Чуть дверь приоткроешь, а она тебе раз половой тряпкой по мордасам: «Скотина! Опять надрался, подлец? Как последняя свинья! Вот тебе, вот!»

Свои нравоучения Бакаша сопровождал непередаваемой мимикой лица и красноречивыми движениями рук, отчего все присутствующие покатывались со смеху.

– Так, что, дорогой мой Ванюша, вот тебя какое счастье ожидает в семейной жизни! Вот и шевели теперь куриными мозгами. Стоит жениться али нет! А ты, сюси-пуси! Горяченькую, видите ли, он захотел, и так найдешь, если приспичит! И горяченькую, и холодненькую, и не очень, и сиськами до земли, и без сисек! На хрена на себя хомут в молодые годы надевать, дурень?

В дверном проеме появился раздраженный Дудаков со старшим лейтенантом Тимохиным, вслед за ними – насупленный Колька Селифонов с «агаэсом» за спиной.

– Что за балаган тут развели, вашу мать?! Галдите как бабки на базаре! На всю округу слышно!

– Да вот, учим молодежь уму разуму, товарищ капитан! – отозвался Стефаныч.

– Итак, мужики! Чтобы был идеальный порядок! В помещении школы не свинячить и не гадить!

– Пока светло можете пожрать и оправиться! Консервные банки в окно! Огонь не разводите! – добавил второй.

– У окон не курить! Замечу, яйца поотрываю! – сурово пригрозил капитан. – Пошли, Стефаныч! Посты выставим! Приданцев и Мирошкин, дуйте за нами! В охране с собаками сегодня будете!

В классе было холодно. Солдаты спали, лежа на боку, плотно прижавшись друг к другу, втянув головы в поднятые воротники и засунув руки поглубже в рукава и карманы.

Неожиданно глубокую ночь прорезала длинная пулеметная очередь. За ней другая, третья. Встревоженные не на шутку солдаты, хватая оружие, повскакивали.

– Братва! Чехи! – заорал спросонья в темноте перепуганный Привалов. – Окружили, гады!

– Без паники! – рявкнул из коридора голос старшего лейтенанта Тимохина. – Занять оборону у окон! Без команды не стрелять!

– Конец, мужики! – занял рядовой Свистунов. – Окружат и раздолбают всех! Или сожгут живьем в этой проклятой школе!

– Заткнись, ссыкун! – зло цыкнул на него сержант Кныш, осторожно выглядывая в окно.

Трассеры, то здесь, то там, передавая «морзянку» рассекали яркими огоньками ночную темноту. Перестрелка шла в горах, над селом.

– Танцор, знаешь, чего я боюсь больше всего? – тихо сказал Роман, обернувшись к Чернышову.

– Чего, Ром?

– Как бы эти выродки масхадовские нас гранатами не забросали или «Шмелем» не долбанули! Тогда уж точно всем амба!

– Хуже нет, чем в темноте воевать! Здесь мы как слепые котята! Подождут и постреляют нас, как в тире.

– Сидим как в заднице.

– Который час?

– Кто его знает?

– Сейчас посмотрим! – живо откликнулся контрактник Кныш, в темноте с трудом различая светящиеся стрелки циферблата. – Черт, не видно!

Но его опередил Пашка Никонов.

– Семнадцать минут второго!

– А светать-то будет около семи! Не раньше!

– Кого-то очередями долбят! Слышишь?

– Не позавидуешь.

– Похоже, «зуха» отвечает! Наверное, наши. Десантура на высотах.

Кто-то затопал за стеной по коридору.

– Мужики, собровцы из соседнего класса всем табуном куда-то рванули! Может и нам тоже надо отсюда когти рвать, пока не поздно? – беспокойно загундосил, выглянувший в темный коридор, Привалов.

– Сиди, не ссы!

– Андрей! Что-то я никак не врублюсь! Кто стреляет? И в кого? – отрываясь от «Ворона», обернулся Дудаков к старшему лейтенанту Тимохину, который выглядывал из-за БМП.

– Кто-то садит с одной вершины по другой! Насколько я знаю, на ближней, что над селом морские пехотинцы генерала Атракова, а на той горшке, насколько помню, должна находиться ульяновская десантура.

– Что они, сбрендили совсем? Палят друг в друга! Мудачье!

– Перепились они там, что ли?

– Не хватало еще, чтобы под этот шумок нас стали мочить!

– Как пить дать, «духи» нападение спровоцировали.

Перестрелка над селом продолжалась с полчаса, потом затихла. Никто из бойцов так и не смог уснуть, все с тревогой ждали ночной атаки.

Запах женщины

Десантники надежно заблокировали чеченское село несколькими БМД и БТРом, перекрыв все выходы из него с трех сторон; с четвертой стороны находился крутой обрыв, подымаемый стремительной обмелевшей рекой. Пока командиры на косогоре, обильно покрытом ином, договаривались о деталях предстоящей операции с местной администрацией, приехавшей со старейшинами в папах на белой «Волге», «взвэшники» и СОБР томились в ожидании начала зачистки у «бээмпэшек» и «Уралов».

– Ты чего там, Серега, притих? – спросил старший прапорщик Стефаныч, обращаясь к младшему сержанту Ефимову, который у лица держал сухую веточку. – Все нюхаешь что-то.

– Запах женщины, – тихо пробормотал тот, виновато улыбаясь. – Вот веточку сорвал, запах обалденный.

– Ты, что рехнулся? Какой еще запах?

– Какая женщина?

– Совсем тут дошел до ручки, скоро на кусты будешь бросаться!

– Изголодался, молодой кобелек!

– Тут одними вонючими портянками может пахнуть да дерьмом с кровью, – счищая щепкой налипшую грязь с подошвы ботинка, резюмировал угрюмый лейтенант Трофимов, которого «собровцы» уважительно величали Конфуцием.

– Дай-ка сюда! – старший лейтенант Колосков, по прозвищу Квазимодо, протянул руку.

– Да, что-то есть неуловимое, – отозвался он, бережно возвращая Серегину драгоценность.

– Ну-ка, – мрачный Конфуций поднес к изуродованному шрамами лицу сухую веточку.

– Да, ты ладонью прикрой от ветра. Выдувает. Ну, как? Теперь чувствуешь?

Подержав с минуту, Трофимов молча, как бы нехотя, вернул ее Ефимову. Веточка пошла по рукам.

– Дайте понюхать-то, – нетерпеливо канючил первогодок Привалов с протянутой рукой.

– Тебе-то за чем? Сопля еще зеленая!

– Где тебе знать-то, что такое баба! – вставил ««собровец»» Савельев, грубо отшивая мгновенно залившегося краской Привалова. – Да и насморк у тебя, шмыгалка-то не работает, все равно ни хрена не учуешь! Только добро переводить!

Рядовой Ведрин в свою очередь, уткнувшись носом в веточку, громко засопел, втягивая воздух.

– Ну, Джон Ведрин, ты даешь! – громко заржал Стефаныч, откидываясь всем телом на башню. – Это же запах женщины. Тут надо нежно, легонько вдыхать, а ты как портянку нюхаешь или лепешку дерьма, чудила! Всеу вас, молокососов, учить надо.

– Да ну вас, козлов вонючих! – обиделся Ведрин и прыгнул с БМП. Поправив бронжилет, он направился к Мирошкину и Свистунову, которые в стороне забавлялись с овчаркой Гоби.

– А что это за растение? – поинтересовался вдруг Конфуций.

– А черт его знает! Вчера отломил ветку с какого-то куста на зачистке в Курчали.

– Может, это мирт. Слышал, запах у него необыкновенный, – поделился своим предположением рядовой Самурский.

– Да, Ромка, надо было ботанику в школе лучше учить! – усмехнулся в густые усы прапорщик Филимонов.

– Ну-ка, Серж, дайка еще нюхнуть! – мечтательно протянул контрактник Головки. – А этим хорькам: Кнышу, Чернышову и Чахлому не давай! То же, мне, эстеты нашлись! Знаю, я их как облупленных, те еще ловеласы, занюхают.

– Виталь, сунь Караю под нос, – посоветовал Приданцеву «собровец» Савельев. – Интересно, как он прореагирует.

– Как? Соответственно своему мужскому полу! Спустит, чего доброго! – нашелся тут же Филимонов.

– Сам, смотри, не спусти!

– Вот надышался до одури, сейчас и от козы безрогой не отказался бы!

– Ну, вы маньяк, батенька! Представляю, ужас, что будет, когда в родные пенаты вернемся!

– Надо нам, ребята, подальше от этого опасного кадра быть, а то вот так зазеваешься, и уже поздно будет, отоварит по первое число. Тот еще половой гигант. Шалунишка!

– Эх, мужики, – мечтательно потянулся Стефаныч. – Помнится, как-то в отпуске был, ну и решил к сестре в Подмоскovie в гости смотаться на недельку-другую. Приехал, живу. Городишко небольшой, развлечений никаких, рыбалка с племянниками и все. И надумал сгонять в Москву, посмотреть белокаменную, прошвырнуться по Красной площади, по улице Горького. Это сейчас она Тверская. Встал пораньше, чуть свет. Сел на автобус. Еду. А рядом женщина в кресле дремлет. Миловидная такая. Блодиночка. Губки алые. Пухленькие. Щечки ну прям кровь с молоком. Ехать около двух часов. И тут, братцы, чувствую, как ее хорошенькая головка в беретике клонится к моему плечу. Так мы в Москву и приехали. Слово за слово, познакомились. У нее какие-то дела в одном из НИИ были. Договорились, что как только она освободится, встретимся у метро, и она покажет мне столицу. Прождал часа три. Нет ее. Побродил по магазинам и, расстроенный, вечером поехал электричкой обратно. Выхожу на привокзальную площадь, направляюсь к остановке такси. А там она, моя незнакомка. В очереди последняя стоит. Интересная, скажу вам, получилась встреча. Оказалось, она в институте задержалась и не успела на randevу. Поехали, значит, на такси вместе. Довез ее до дома. Ну, и напросился на чай.

– Ну ты и жуир, Стефаныч! – хмыкнул Головки. – Не ожидал от тебя такого. Вроде весь из себя положительный. Так сказать, наш наставник!

– Поднялись на лифте на седьмой этаж, открывает дверь, приглашает войти. Представляете, братцы, вхожу и вижу... Чего вы думаете? У порога вот такие мужские башмаки стоят, размера эдак сорок шестого, сорок седьмого, не меньше. У меня сразу все внутри опустилось до прямой кишки. В жар бросило. Ну, думаю, приплыли! Сейчас будет с мужем знакомить.

– Да, Стефаныч, ну ты и влип! Не позавидуешь!

– И врагу такого не пожелаешь!

– Эх, будь я на месте ее мужа, – мечтательно отозвался прапорщик Филимонов, похрустывая пальцами.

– Вот когда вернемся домой, будешь! – съязвил, оборачиваясь к нему, Квазимодо.

– Да вы слушайте, что дальше было! Так вот, прошли мы на кухню. Маленькая такая, ухоженная. Спрашивает, буду ли я пиво с воблой. Я уж и не знаю, что и отвечать. В голове одна мысль витает, как бы ноги отсюда сделать. Перед глазами башмаки проклятые стоят. Сели, попиваем пиво, мило беседуем. Все согласно этикету, как в лучших домах Лондона и Филадельфии. Ничего лишнего себе не позволяю, никаких шалостей, никаких тебе вольностей. На душе, конечно, кошки скребут. Совсем не до пива мне. Тут звонок в дверь. Я как ужаленный подпрыгнул. Сажу весь в испарине. Она с милой улыбкой пошла открывать. Ну, думаю, кранты! Слышу, в прихожей бас чей-то, что-то без умолку бубнит. Уж представил себе, как с седьмого этажа в затычном прыжке падать буду. Тут она возвращается и говорит, что пришел сын со своей девочкой. И заглядывает на кухню парень, вот такой верзила, косая сажень в плечах, повыше нашего Квазимодо, наверное, будет. Эдакий молодой бугаек. Я даже поразился, как такой громила еще мать свою слушается. Потом молодежь устроилась ужинать в комнате у телевизора, а мы остались на кухне. В ходе беседы узнаю, что она на семь лет

меня старше, что с мужем в разводе, вот воспитывает сына, которого осенью должны в армию забрать. Переживает страшно за него, уж больно характер у него мягкий. Вот такой случай приключился, братцы.

– Ну, а потом что было, – полюбопытствовал, шмыгая носом, Привалов.

– А потом суп с котом! Это уже другая история! – закончил Стефаныч. – Дай-ка лучше спичку! Мои отсырели! Что-то наши лихие командиры никак с аксакалами не договорятся!

– Лифчик пора менять, рвань сплошная! Такой, как у Павла, хочу, что с наемника сняли! Замучился латать его, – поделился своими бедами Ромка Самурский, оседлав бревно.

– Ну ты, Караюшка, совсем обнаглел. Убирай свою лобастую головушку, весь матрац занял, – Стефаныч тщетно пытался сдвинуть овчарку с места. – У нас тоже жопа не железная. Старших уважать надо, уступать лучшие места.

– Это еще не известно, кто из вас старший! – усмехнулся Филимонов, почесывая Караю за ухом. – Верно, боевой пес?

– По собачим годкам, может, он тебе в отцы годится! – встал на защиту собаки проводник Виталька Приданцев.

– Туман, гляди, рассеивается. Денек сегодня будет отменный. Побалдеем на солнышке.

– Если ветра не будет, – отозвался, широко зевая, рядовой Чернышов.

– Братва, смотри, Колька Селифонов опять что-то у десантуры скоммуниздил. Наверняка, тушонку выменял на гранаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.